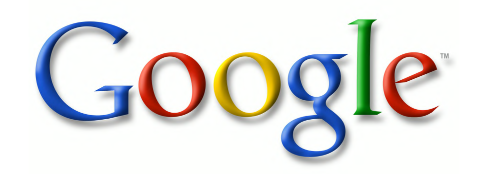
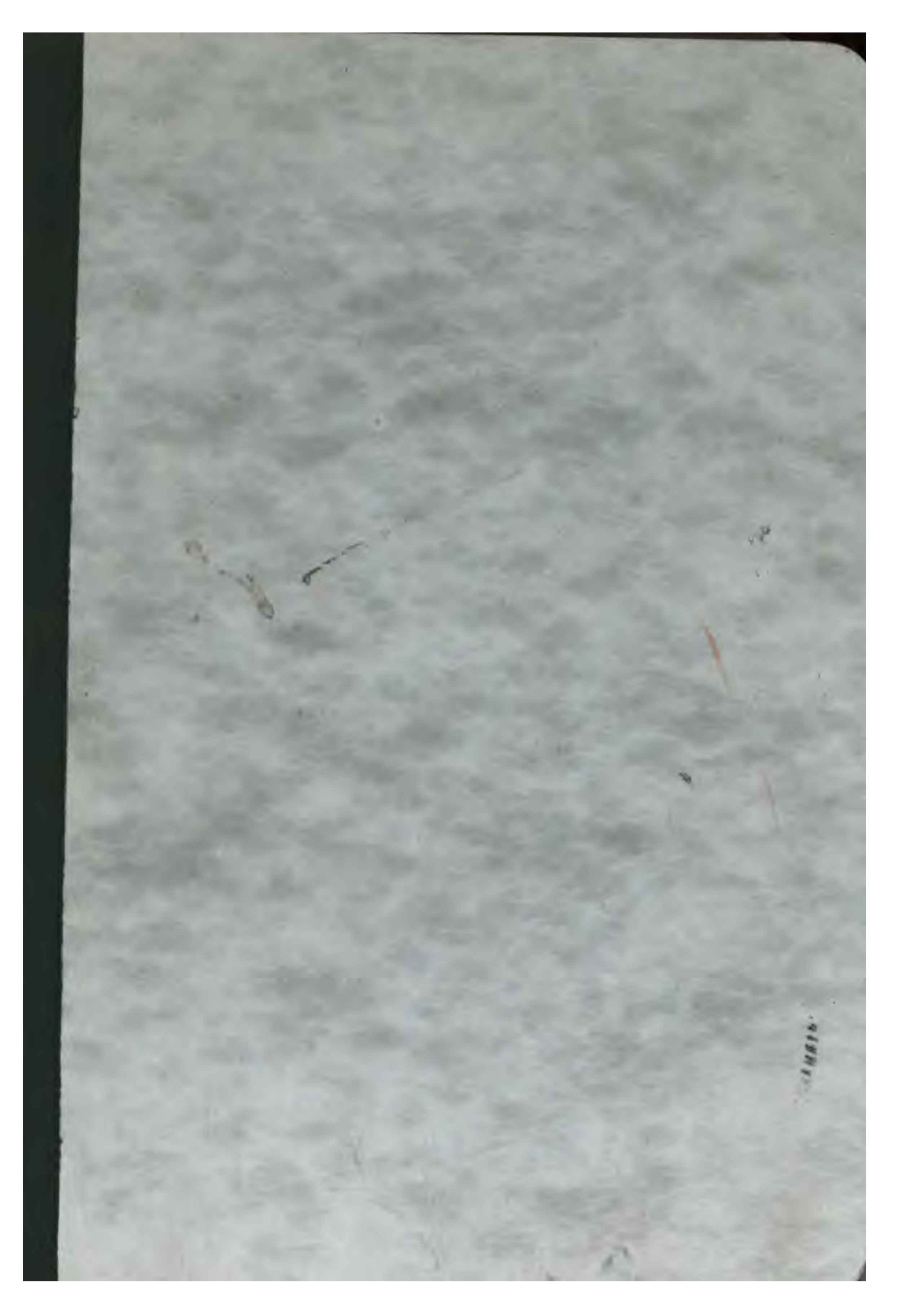

LII-LXXIV

ФАКСИМИЛЕ

изъ

СЛѢДОВАННОЙ ПСАЛТЫРИ

XV ВѢКА

С.-Петербургъ, 1881

ОБРАЗЦЫ
ПИСЬМА и УКРАШЕНІЙ

изъ

ПСАЛТЫРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНІЕМЪ

ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА

ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ

ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ ПОДЪ № 308 (481)

СО ВВЕДЕНІЕМЪ

Ѳ. БУСЛАЕВА

С.-Петербургъ, 1881
Типографія Добродѣева, Троицкій пер., 32

Троицкую рукопись, изъ которой предлагаются здѣсь снимки, впервые оцѣнилъ по достоинству Александръ Васильевичъ Горскій въ отношеніи удивительнаго разнообразія и необычайной оригинальности и затѣйливости письма и столько же разнообразныхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ и замѣчательно изящныхъ украшеній въ заглавныхъ буквахъ и заставкахъ. Онъ же познакомилъ съ нею и меня еще въ пятидесятыхъ годахъ, когда въ его кельѣ въ стѣнахъ Троицкой Лавры работалъ я надъ тамошними рукописями для своихъ филологическихъ изданій. Перелистывая драгоцѣнную рукопись, мы любовались неожиданными переходами изъ однаго почерка въ другой, отъ одного стиля въ украшеніяхъ къ другому, и съ интересомъ отгадыванія загадокъ или шарадъ увлекались въ распутываніи перепутанныхъ нитей хитроспле-

теннаго письма, добираясь въ немъ до смысла отдѣльныхъ буквъ и цѣлыхъ рѣчей. Издать въ свѣтъ въ точныхъ снимкахъ это богатое собраніе почерковъ и украшеній славяно-русскаго письма XV вѣка казалось намъ тогда несбыточною мечтою.

Желанію этому черезъ четверть столѣтія дано было осуществиться въ соотвѣтствующемъ драгоцѣнному оригиналу роскошномъ изданіи Общества Любителей Древней Письменности, благодаря просвѣщенной щедрости графа Александра Дмитріевича Шереметева, имя котораго этимъ изданіемъ навсегда останется соединено въ нашей ученой литературѣ съ памятью объ ученыхъ предначертаніяхъ и келейныхъ досугахъ незабвеннаго описателя славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки.

Краткія свѣдѣнія о Троицкой рукописной Псалтыри съ перечнемъ содержащихся въ ней статей, составляющихъ такъ называемое возслѣдованіе, помѣщены въ Описаніи Славянскихъ рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры (Москва, 1878), во 2-й части, на стрр. 79—83, подъ № 308 (841).

Рукопись неполная, на 284 листахъ, на бумагѣ, въ четвертку, въ величину издаваемыхъ здѣсь снимковъ. Время написанія ея опредѣляется слѣдующими двумя мѣстами:

Во первыхъ, на л. 283, въ послѣсловіи на греческомъ языкѣ:

δεχου ἄγιε δημτριε ἡγνατιου πο
νος. ἡἔτου.... [1]) μῆν. δεκ. ᾱ.
δοξα σι. κε. δοξα σι ὁ Θσ μου αγιε
ἄγιε δημήτριε πρεζβενε ἡπε
ρ εμόυ, του αμαρτολου ἡγνατιου.
. . . .
γραφημα του ἀμάρτολου ἡγνατιου η
σ ετου...... [1]) μην. ωκτοβριου τσ. β΄.
Θōυ τὸ δυρον κε ηγνατιου πōνος:—
δεχου, τημιε σταβρε. κε ελεηνσο με.

То-есть: «Пріими, святый Димитріе, Игнатія трудъ года 6938 мѣсяца дек. 1. Слава Тебѣ, Господи, Слава Тебѣ, Боже мой. Святый, святый Димитріе, помолись объ мнѣ грѣшномъ Игнатіи. Письмо грѣшнаго Игнатія начато года 693... (?) мѣсяца октября во 2. Божій даръ и Игнатія трудъ пріими, честный Кресте, и помилуй мя».

Во вторыхъ, среди самой рукописи, на л. 202 крупною тончайшею вязью: «Книга сія по дару и по благости Господа Бога и Спаса нашего Исуса Хрис҃та напи-

---

1) Въ обоихъ мѣстахъ означеніе года греческими буквами, см. въ снимкѣ.

сана въ лѣто Великихъ Князей Ивана Васильевича и Ивана Ивановича Самодержцевъ рускія земля».

По первой лѣтописи рукопись окончена въ 1429 году, по второй написаніе ея относится ко времени между 1462 и 1490 гг., которое опредѣляется восшествіемъ на престолъ Іоанна III и кончиною Іоанна Іоанновича. Противорѣчіе должно быть объяснено тѣмъ, что первая списана съ древнѣйшаго оригинала, а вторая принадлежитъ писцу самой рукописи. Потому Троицкую Псалтырь слѣдуетъ относить, не означая года, просто ко второй половинѣ XV вѣка.

Въ XVI вѣкѣ принадлежала она князю Пѣнкову или Пенькову, какъ значится въ записи на оборотѣ перваго порожняго листа почеркомъ того вѣка: Княж Михаила Даниловича Пѣнкова. Надъ словомъ Михаила надписано Александра. Въ упомянутомъ описаніи Троицкихъ рукописей объяснено такъ: «Бояринъ кн. Данило Александровичъ Пенько-Ярославскій скончался въ 1520 г.; Александръ—сынъ его, о Михаилѣ ничего неизвѣстно».

Рукопись состоитъ изъ двухъ частей, существенно отличающихся между собою и по письму и по стилю въ украшеніяхъ. А именно: лл. 1—4 съ чтеніями изъ Евангелія и лл. 41—167 съ текстомъ Псалтыри, принад-

лежатъ одному писцу и выдерживаютъ одинъ и тотъ же стиль въ своеобразныхъ украшеніяхъ изъ листьевъ и цвѣтовъ; что же касается до лл. 5—40 и отъ л. 168 до конца рукописи, то эта бо́льшая половина отличается отъ первой какъ письмомъ, представляющимъ смѣсь славянскаго почерка съ греческимъ, такъ и киноварными и разноцвѣтными съ золотомъ украшеніями въ стилѣ славяно-русскихъ орнаментовъ XV вѣка. Эта половина— главная; въ нее входитъ первая, какъ составная ея часть. Можно думать, что онѣ соединены вмѣстѣ случайно, только переплетомъ, который самъ по себѣ не представляетъ ничего особеннаго.

Обѣ вышеприведенныя лѣтописи принадлежатъ къ большей, второй половинѣ.

Хотя по языку и системѣ правописанія обѣ половины вообще представляютъ между собою большое сходство, однако такъ какъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ онѣ и отличаются одна отъ другой, то я предпочитаю о каждой сказать отдѣльно, касаясь только самыхъ характеристическихъ примѣтъ [1]).

Сначала о первой, меньшей половинѣ.

---

[1]) Чтобы не пестрить печать, не ставлю надстрочныхъ знаковъ въ приводимыхъ примѣрахъ, кромѣ титлъ и знака при опущенной полугласной.

ОБРАЗЦЫ

ПИСЬМА И УКРАШЕНІЙ

ИЗЪ

ПСАЛТЫРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНІЕМЪ

ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА

[illegible]

ТРОИЦКОЙ [illegible] ЛАВРЫ ПОДЪ № [illegible]

[illegible]

Ѳ. БУСЛАЕВА

[illegible]

напр. ѿꙗхсѧ 128. въсташа 63 об. рѣша, быша 86. по вѣдаша 86. 101, вм ѿꙗхъсѧ, въсташѧ, рѣшѧ, бышѧ-повѣдашѧ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ она такую характеристическую примѣту, которая принадлежитъ письму болгарскому, не только среднему, но и древнему. Это именно употребленіе ѧ вм. ѫ или ѭ, т. е. смѣшеніе ихъ между собою; напр. въскѫѧ 41 об. погрѹженѫѧ дш҃оу мою 164 об. бл҃вѧ 62 об., вм. въскѫѭ, погрѫженѫѭ, благословлѭ.

3. Полугласныя ъ и ь ставятся по-болгарски послѣ группы согласныхъ, оканчивающейся на л или р, и притомъ по-болгарски же ъ употребляется вм. ь; напр. исплънисѧ 1 (въ Остром. Еванг. испълнисѧ). съвръшилъ 44 об. пръстъ 44 об. връхь 44 об. пръвыꙗ 99 об. исплънить 129. ѡплъченіє, пръсты, млъніа 149. въвръже, въ чръмнѣмь мори 153.

4. Особенно распространено сербское правописаніе съ ь вм. ъ на концѣ словъ; напр. нєчтивыхь, грѣшныхь 41 ровь, всѧкь, връхь 44 об. врагь 47 об. своихь 48. въ оустнахь льстивахь 49. въ ѹстѣхь моихь, ѿ всѣхь, ꙗзыкь ихь 62 об. законь, ѿ чадь ихь, намь, слышахомь 101. твоихь 129. въ вѣкь 133. застоупникь, ихь, оспо-вахь 149.

1. Постоянно употребляется большой ѫ, неiотированный, преимущественно въ мелкомъ письмѣ, а не въ крупномъ. Вообще употребляется правильно: напримѣръ мѫжь, на пѫти, гѫбитель, бѫдеть, 41. неправдѫ, въ ѫмѫ 44 об. на широтѫ, пѫти 50 об. въсѫкѫ жрътвѫ 52 об. вынѫ 62 об. пагѫбѫ, бѫдѫть 63 об. клѫтвѫ 128. рѫка 128 об. 153. иоложѫ, на пѫти 129. сѫдбамь 133. пѫчиною 153. Впрочемъ часто употребляется и неправильно, какъ напр. съкрѫшитсꙗ 62 об. емѫ 149. по чиноу мелхисѣдековѫ 129. съкрѫши 153; или же не ставится тамъ, гдѣ нужно; напр. въпрашахоу 63 об. лоукаваѫ 63 об. лоукавѡ 86. лоукаваа 128. млтвоу мою 87. съмоутихсѫ 99 об. прѡклеиоуть 128 об. силоу 153. Иногда въ одномъ и томъ же словѣ или въ согласованiи двухъ словъ и правильно и неправильно; напр. бѫдоу 50 об., ѡдеснѫю, ѡдесноуѫ 129. дȣшѫ мою 128 об. Что касается большаго юса iотированнаго, то за полнымъ отсутствiемъ его онъ замѣняется неiотированнымъ, согласно принятому въ этой рукописи правилу опускать iотацiю и при другихъ гласныхъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

2. Малый ѧ принятъ тоже, только неiотированный, и въ употребленiи его ничѣмъ не отличается эта рукопись отъ письма русскаго, т.-е. съ такими же ошибками;

напр. ѿиахсѧ 128. въсташа 63 об. рѣша, быша 86. повѣдаша 86. 101, вм ѿѩхъсѧ, въсташѧ, рѣшѧ, бышѧ-повѣдашѧ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ она такую характеристическую примѣту, которая принадлежитъ письму болгарскому, не только среднему, но и древнему. Это именно употребленіе ѧ вм. ѫ или ѭ, т. е. смѣшеніе ихъ между собою; напр. въскѫѧ 41 об. погрѹженѫѧ дш҃оу мою 164 об. бл҃вѧ 62 об., вм. въскѫѭ, погрѫженѫѭ, благословлѭ.

3. Полугласныя ъ и ь ставятся по-болгарски послѣ группы согласныхъ, оканчивающейся на л или р, и притомъ по-болгарски же ъ употребляется вм. ь; напр. испълнисѧ 1 (въ Остром. Еванг. испълнисѧ). съвръшилъ 44 об. пръстъ 44 об. връхь 44 об. пръвыꙗ 99 об. испълнить 129. ѡплъченіє, пръсты, мълніа 149. въвръжє, въ чръмнѣмь мори 153.

4. Особенно распространено сербское правописаніе съ ь вм. ъ на концѣ словъ; напр. нечтивыхь, грѣшныхь 41 ровь, всѧкь, връхь 44 об. врагь 47 об. своихь 48. въ оустнахь льстивахь 49. въ ѹстѣхь моихь, ѿ всѣхь, ꙗзыкь ихь 62 об. законь, ѿ чадь ихь, намь, слышахомь 101. твоихь 129. въ вѣкь 133. застоупникь, ихь, оспокахь 149.

лоутсѧ вразн его 89, въ исправл. расточатсѧ LXVII, 1; пренеможе дх҃ъ мѡи 99 об., въ испр. малодꙋшествоваше LXXVI, 4; облыгаѭщихъмѧ 128, ѡблыгаюшен мѧ срамъ 128 об., въ испр. ѡболгающихъ мѧ, оболгающіи мѧ въ срамотꙋ CVIII, 20. 29; жезлъ силы посли ти г҃ь 129, въ испр. послетъ ти CIX, 1; и ꙋдолѣеши посрѣ врагъ твоихъ 129, въ испр. господствꙋи CIX, 2. юныи 133, въ испр. юнѣйшій CXVIII, 9; на рѣцѣ вавѵлоньстѣи 145, въ испр. на рѣкахъ вавѵлѡнскихъ CXXXVI, 1.

11. Изъ замѣченныхъ мною ошибокъ указываю, напр. не забѫть дѣ, не бѫть 101, не забꙋдꙋтъ дѣлъ, не бꙋдꙋтъ LXXVII, 7 и 8; пѡкквашa 128 об. вм. покиваша CVIII, 25. Изъ погрѣшностей, можетъ быть допущенныхъ въ снимкахъ, замѣчу л вм. а: свѣденіл его 133, вм. свѣденіа, испр. свидѣніѧ CXVIII, 2.

12. Въ заключеніе хотя я обращаюсь опять къ гласнымъ, но замѣчаніе мое касается не языка и правописанія, а условныхъ пріемовъ каллиграфіи, изъ которыхъ одинъ состоитъ въ связи съ орнаментаціею буквъ, а два другіе въ начертаніи буквы и. Къ орнаментаціи принадлежитъ въ строчныхъ буквахъ начертаніе о съ крестомъ или точкою и ѡ съ двумя точками, по точкѣ въ каждомъ кружкѣ; а именно: о съ крестомъ внутри принятъ въ словѣ окр҃тъ (т. е. окрестъ), л. 47 об., соотвѣтствую-

щемъ по самому смыслу своему этому знаку; о съ точкою для слова око, л. 60, въ единственномъ числѣ, а для двойственнаго числа употребляется или два о, каждое съ точкою: очи 47 об., или ѡ, съ точкою въ каждомъ овалѣ: ѡчи 99 об. Продолженіе этой же іероглифики предлагается въ начертаніи слова многоочитїи, во второй половинѣ рукописи на л. 243 об. Слово это, помѣщенное въ самомъ концѣ снимковъ съ киноварныхъ заглавныхъ буквъ, даетъ сгруппированнымъ въ серединѣ его оникамъ съ точками уже видъ настоящаго орнамента. Надобно замѣтить впрочемъ, что о съ точкою ставится, хотя и рѣдко, въ началѣ и другихъ словъ, какъ напримѣръ оплачитсѧ 62 об.

13. Какъ въ этой половинѣ рукописи, такъ и въ другой, иногда вмѣсто и безо всякой причины ставится ѵ, съ двумя надъ нею черточками; напр. оѵзрѷтъ 86, снимокъ 9.

14. Нынѣ принятый обычай ставить десятеричное і передъ гласными господствуетъ во всей рукописи, какъ твердо установившееся правило школы, за весьма немногими описками и недосмотрами. Напр. цѣлѡванїє 1. Їоудѡвъ 1. Марїамъ 1, 3, 4. Їѡсифъ 3 (въ Остромир. Еванг. июдовъ, арию, иосифъ). гананїа 101. поношенїє 128. прїатиѫ 165 об.

Вторая или бо́льшая половина рукописи по языку и грамматикѣ, или школѣ правописанія, во всемъ согласна съ первою, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ за симъ примѣровъ, которые для удобства въ справкахъ я располагаю по возможности въ томъ же порядкѣ рубрикъ.

1. Большой юсъ, тоже только неіотированный. Употребленъ правильно; напр. дш҃ѫ, лѫкавы҆ 38 об. вн҄ѫтрь 181 об. ѫѕами 195. мѫкы, бц҃ѫ 201. Ошибки, напр. ютробꙋ 192 об. вм. ѫтробѫ. ѿцѫ поклонимсѧ 194 об. вм. отьцоꙋ. Въ согласованіи словъ правильное окончаніе стоитъ рядомъ съ неправильнымъ; напр. несъзданнѫ и единосѫщінѫ тр҃цꙋ 38 об. на рꙋкꙋ дв҃чѫ 212 об. (двойств. число).

2. Малый ѧ, тоже неіотированный, по-болгарски вмѣсто ѫ; напр. въ словѣ ѧтроба вм. ѫтроба: ѧтробы твоѧ 170. въ ѧтробѣ 217. бл҃гоѧтробнаго 189 об. бл҃гоѧтробенъ 207. Въ окончаніяхъ: ѕвѣздѧ видѣвше 212 об. вм. звѣздѫ. дш҃ѧ свою 195, вмѣсто дш҃ѫ. Особенно послѣ гласныхъ, вмѣсто іотированнаго ѭ; напр. въ древнюѧ красотꙋ бж҃ственноѧ добротоѧ смѣси 182, вм. въ древьнѭѭ красотѫ бж҃ственоѭ добротоѭ смѣси. Иже бо аще хощеть дш҃ѧ свою сп҃сти погꙋбить ѧ, иже аще погубить дш҃ѧ своѧ ѡбрѧщеть ю 195, вм. погѫбить ѭ, дш҃ѫ своѭ, ѭ. вѣроѧ 195, вм. вѣроѭ. помѧщаѧ 201, вм. помѫщаѩ. во-

лєѧ, славоѧ 207, вм. волєѭ, славоѭ. бг҃отєчнѧѧ ѕвѣздѧ видѣвшє 212 об. вм. бг҃отєчьнѫѭ. двоѧ 213 об., вм. дѣвоѭ. свѣтопрїємнꙋѧ свѣщꙋ 214 об., вм. свѣтопрїємънѫѭ свѣщѫ. работоѧ 217, вм. работоѭ. бл҃говѣстꙋѧ ти радость 217, вм. бл҃говѣстоуѭ. припадаѧщє 223, вм. припадаѭщє. добротꙋ твоѧ бж҃тнꙋѧ 259, вм. добротѫ твоѭ бж҃тнѫѭ.

3. Полугласныя ъ и ь употребляются въ группѣ согласныхъ съ л и р такъ же по-болгарски, какъ и въ первой половинѣ; напр. ѿврьгшєсѧ 26 об. ѿврьзємь 27 об. трьпѣти, гръдынѧ 38 об. прьвыи 177 и 253. прьвꙋю 217. Съ буквою ъ по-болгарски же, вм. ь; напр. дръжати 27 об. дръзновєнїє҃ 38 об. дръзнꙋ 172 об. дръжавꙋ 211. дръѕновєнїє 213 об. съдръжащи 238. дръжав 253. Опущена полугласная: ѿвргъшиⷨ҇ 6, т.-е. ѿвръгъшимъ. државы 280 об., т.-е. дръжавы; вмѣсто ѿврьгъшимъ, дрьжавы.

4. По-сербски ь на концѣ словъ, вм. ъ, такъ же сильно распространено, какъ и въ первой половинѣ. Напр. намь, быхомь, любимь 26 об. намь, вамь, быхомь 35 об. источникь 169. грѣхь 174 об. многыхь, оумь 176. причаститї прч҃тмь твоимь таинамь 177 об. иѕ мр҃твыхь, намь 188. чл҃кь 129 об., 213 об. славимь 222 об.

неѿстѹпимь 223. оублжимь 238. възопіємь 245 об. въспоимь 253. храмь, пріємлемь 280.

5. Такъ же, какъ и въ первой части, полугласныя ъ и ь употребляются и по древней грамматикѣ, и опускаются — по новѣйшей, равно и переходятъ въ о и є; наприм. долготрьпѣливъ 172 об. вм. длъготрьпѣливъ. весь оуказъ 184 об. поклонимсѧ 188, вм. поклонимъсѧ. исполнисѧ 189 об., вм. испълнисѧ. волсви 212 об., вм. влъсви. весь 213 об. ба невомѣстимаго вмѣстилище 213 об. вм. невъмѣстимаго въмѣстилище. во кръвѣ весь 217. предотече 263 об. предостоѧ 280 об. — Замѣчательно употребленіе ъ вмѣсто ь въ словѣ аминъ, по греческому произношенію, какъ оно писалось только въ самыхъ старыхъ нашихъ памятникахъ, напр. въ Остром. Евангеліи, и потомъ очень рано перешло уже въ аминь. Возвращеніе къ древнѣйшему начертанію объясняется греческимъ вліяніемъ погреченной школы славянскихъ писцовъ, къ которой принадлежитъ наша рукопись.

6. При правильномъ употребленіи буквы ѣ очень часто встрѣчается и замѣна ея буквою є, напр. телесно 177. телѹ 222 об. телеса 280 об. Заслуживаетъ вниманія слово вѣтїа 213 об., вм. витїѧ. Болгарское правописаніе ѣ вм. ꙗ такъ же встрѣчается, какъ въ первой половинѣ; напр. забавлѣющимъ, сътворѣеть 6. исправлѣѫщи 38 об.

7. При столь же распространенномъ, какъ и въ первой части, употребленіи неіотированнаго а послѣ і и другихъ гласныхъ, какъ напр. прїателище 209, таковаа 211,— особенно заслуживаетъ вниманіе переходъ малаго ѧ, замѣняющаго ѭ большой, въ неіотированное а, тоже послѣ і; напр. непокровенною мыслїа 5, вм. мыслїѧ или мыслїѭ. вопїащиⷯ 213 об., вм. въпїѧщихъ или въпїѭщихъ. завистїа 217, вм. завистїѧ или завистїѭ. вопїаще 223, вм. въпїѧще или въпїѭще. кровїа 245 об., вм. кръвїѧ или кръвїѭ.

8. Очень замѣтную особенность южно-славянскаго произношенья буквы ы, какъ и, предлагаютъ слова високыи и висота вм. высокыи и высота; напр. високыи, къ висотѣ 213 об. висота 247 об. дивны високы морьскыѧ, дивенъ въ високыⷯ гь 169.

9. Съ другой стороны, несомнѣнный признакъ русскаго говора видимъ въ полногласной формѣ володимере, и при ней на той же страницѣ владимере 280 об.

10. Въ употребленіи согласныхъ заслуживаетъ вниманія: 1) по древнему со вставною д между з или ѕ и р: раздроуши 186 об. раздрѣшеніе 217. 2) Несмягченная группа ск вм. щ: ꙗко ѱоу бѣсноующюсѧ, искоущю кого поглотити 8, вм. ищѫщоу. 3) Євга и Євва: прабабы євгы 184 об. ѕмїи прельсти єввꙋ 217. 4) к вм. х: застоуп-

нице кртыаномь 225. 5) Удвоеніе т въ словѣ итти 195, вм. ити. 6) Смягченіе д въ ж, по русскому говору, вм. жд: стражеть 25 об. тружающей, чюжам 27 об. стражющи 38 об. зижителю 169. прихожю 173, 177. жажущую, жажаи 185. одѣжа 213 об. рожисм, преже 189 об. 7) По областному русскому говору съ ч вм. ц написано слово стртотерпьча 280.

11. Какъ въ этой половинѣ рукописи, такъ и въ первой гортанныя слагаются какъ по-древнему съ ы, такъ и по позднѣйшему съ и; напр. кими хитростьми моукы избоуде 26 об. києва 280 об.

12. Изъ массы древнѣйшихъ грамматическихъ формъ, которыми обилуетъ и эта большая половина рукописи, для примѣра привожу слѣдующія: нощию же и днію 8, вм. дьньмь, т.-е. днемъ. жзами темничнами 195, съ краткимъ окончаніемъ, вм. темничными. вѣдѣ 177, 1-е лицо ед. числа вм. вѣмь.

13. Изъ отступленій отъ принятаго нынѣ текста, напр. всм тѣмь быша: и без него не бы ничто еже бы (въ Остром. Еванг. и без него ничьто же не бысть); въ исправл. и безъ него ничто же бысть, еже бысть Іо. І, 3. да въскрнеть бъ и разыдутсм врази его 190. 193 об. 252, вм. расточатсм врази его. Пасха всечтнам намь восіа, Пасха радостію другъ друга примемь 194. въ-

скрсеніа днь, просвѣтимсѧ торжествомъ, и дрУгъ дроуга примемъ 194, вм. обымемъ. хъ въскрсе из мртвый. смертіѧ на смрть настУпи 194, смртіа на смрть настоупи 190.

14. Замѣченныя мною ошибки: из глУбикы 223, вм. глУбины (глѫбины). напрьсникъ 238, вм. напрьсникъ. на прьсв 238, вм. прьси. да плачетсѧ 280 об., вм. да плачетьсѧ.

15. Вообще принятъ за правило тотъ-же пріемъ въ начертаніи десятеричнаго і передъ гласными, что и въ первой половинѣ рукописи, напр. ѿврьженіе, ѡчрьненіе, житіа, ѡдѣѫніа 5. Замѣтное исключеніе изъ этого правила представляютъ лл. 6—23 об., въ которыхъ удерживается старый обычай употребленія передъ гласными осмеричнаго и. Такъ напр. на одной страницѣ 6-го л. встрѣчаемъ: оупокоение, стѧжаниꙗ, житию (bis), житиꙗ.

16. Вмѣсто и и і употребленіе ижицы ѵ, съ двумя черточками надъ нею; напр. семь разъ въ трехъ строкахъ: сУпротивнѷка. стмѷ твоимѷ молитвами црьствію бжѷю прѷчастнѷка мѧ сътвори. съ всѷми стми 222 об., снимокъ 53.

17. Вмѣсто є иногда употребляется начертаніе, сходное съ нашимъ оборотнымъ э; напр. на листѣ 217, снимокъ 52. Смотр. ниже примѣчаніе къ транскрипціи этого снимка

18. Для характеристики письма слѣдуетъ замѣтить употребленіе единицы (I) вмѣсто аза (ѧ) въ означеніи одного или перваго: почасие .I. часа. рч҃е мл҃твоу, и тутъ же на полѣ: I .а҃. л. 168, снимокъ 12.

19. Въ этой бо́льшей половинѣ писецъ постоянно переходитъ отъ славянскаго почерка въ греческій, какъ въ самомъ текстѣ и заглавіяхъ, такъ и въ мелкихъ припискахъ въ низу страницъ. Напр. лл. 5, 188, 189 об. 190 и мн. др. Смотр. снимки 4, 13, 14, 50. Въ этомъ отношеніи описываемая мною рукопись во всей очевидности представляется намъ звеномъ, соединяющимъ нѣкоторыя изъ принятыхъ въ нашу скоропись буквы съ начертаніями скорописи греческой, каковы напр. *а* и *д*.

Наконецъ 20. Письмо этой рукописи, по вліянію греческой грамматики, относится къ той школѣ писцовъ, которые усвоили себѣ и распространили въ славянской письменности греческій обычай, сверхъ затѣйливыхъ сокращеній и титлъ, уснащать письмо различными надстрочными знаками, каковы оксія, варія, слитная и другія разныя черточки и крючечки. Рукопись, мною разбираемая, принадлежитъ въ этомъ отношеніи къ тѣмъ, какія служили образцомъ для справщиковъ и корректоровъ славянскихъ старопечатныхъ книгъ, а черезъ эти послѣднія и доселѣ оказываютъ свое вліяніе на систему

надстрочныхъ знаковъ и въ нынѣ принятой церковно-славянской печати.

Такимъ образомъ рукопись эта по языку и грамматикѣ предлагаетъ намъ искусственную смѣсь русскаго элемента съ поглащающимъ его элементомъ южно-славянскимъ, а по почерку и пріемамъ письма относится къ школѣ погреченной, греко-южно-славянской.

Гдѣ была написана эта рукопись, въ Россіи или на Аѳонской горѣ, или же гдѣ въ другомъ мѣстѣ у южныхъ славянъ, и кто были ея писцы, изъ русскихъ ли, которые настолько подчинили свой родной языкъ искусственной смѣси сербо-болгарскихъ формъ, что уже не могли вразумительно прочесть то, что писали, или же изъ южныхъ славянъ, вѣроятно болгары, которые старались дать своему средне-болгарскому письму болѣе правильный грамматическій видъ, то есть, самый искусственный и самый далекій отъ живой рѣчи: предоставляю эти вопросы рѣшить другимъ. Не подлежитъ сомнѣнію одно, что Троицкая Псалтырь между другими многочисленными вкладами южно-славянскаго письма въ нашу древнюю литературу составляетъ ея неотъемлемое достояніе, какъ по упомянутой выше лѣтописи, относящей ея написаніе ко времени Самодержцевъ именно Земли Русской, такъ и по внесеннымъ въ возслѣдованіе Псалтыри цер-

ковнымъ славословіямъ русскимъ угодникамъ: св. Варлааму Хутынскому, св. Сергію Радонежскому и свв. князьямъ Владиміру, Борису и Глѣбу, лл. 237 об., 280 и об.; смотр. снимки.

Впрочемъ все достоинство описываемой рукописи и ея важное значеніе въ исторіи нашей письменности состоитъ не въ языкѣ и грамматикѣ, а въ ея каллиграфическихъ качествахъ и украшеніяхъ. Въ этомъ отношеніи она представляетъ явленіе небывалое, единственное въ своемъ родѣ.

Изъ предлагаемыхъ здѣсь снимковъ достаточно явствуетъ каллиграфическое искусство писцовъ въ изобрѣтательности самыхъ разнообразныхъ, оригинальныхъ и иногда замѣчательныхъ по изяществу почерковъ. Это настоящее собраніе прописей или образчиковъ каллиграфіи.

Писецъ будто постоянно занятъ мыслію какъ-бы развлечь себя, позабавить и усладить въ своей трудной и однообразной работѣ переписыванія, постоянно замышляя какъ бы ему на слѣдующей строкѣ перейти изъ одного почерка въ другой, какъ бы изобрѣсть какую нибудь небывалую рѣдкость. То онъ выводитъ строки изъ длинныхъ голенастыхъ заглавныхъ буквъ, которыя какъ великаны поднимаются изъ приземистаго строя обыкновенныхъ строчныхъ буквъ, то расширяетъ ихъ не въ

мѣру, такъ что онѣ теряютъ характеръ кирилловскаго письма, получая стиль письма арабскаго или какого другаго восточнаго. То онъ пишетъ самымъ тонкимъ мелкимъ шрифтомъ, замаскировывая славянское письмо крючковатою скорописью греческою; то задаетъ новую задачу своимъ читателямъ въ самой крупной вязи, въ которой длинныя буквы начиняетъ десятками буквъ мелкихъ, или ухищряется на поляхъ страницы цѣлую рѣчь вмѣстить въ одну букву, которую, на такъ называемый волошскій манеръ, вытягиваетъ вертикальною полосою, наполненною сливающимися между собою линіями буквъ, до того затѣйливо сложенными, что нѣкоторыя изъ такихъ начертаній и до сихъ поръ остаются неразобранными.

Всѣ эти каллиграфическіе опыты разнообразныхъ почерковъ раздѣляются на двѣ главныя группы по тѣмъ же двумъ половинамъ рукописи, которыя я уже намѣтилъ прежде. Образцы первой предлагаются въ снимкахъ съ лл. 1, 3, 4, 41, 44 об., 63 об., 86, 87, 98, 99 об., 101, 128, 128 об., 129, 133, 149 и 153. Образцы второй половины въ снимкахъ съ лл. 5, 6, 23 об., 25 об., 26 об., 168, 188, 189 об., 190, 204 об., 207, 209, 211, 213 об., 217, 222 об., 223, 237 об., 238, 245 об. 253, 280, 280 об., 281 об., 282 и 283.

Чтобы облегчить прочтеніе болѣе неразборчивыхъ почерковъ, я даю здѣсь нѣсколько транскрипцій изданнаго въ этихъ снимкахъ текста.

Листъ 1, снимокъ 1. Еванг. отъ Луки I, 39—56.

Вь врѣмѧ ѡ въставші маріамъ*) въ
дн҃и тыи. иде в горнѧѧ съ тщаніє
мъ, въ гра҃ їоудѡ. и вниде въ (д)ѡ҇
захаріинъ, и цѣлова єлисаве
ть, и бысть ꙗко оуслыша єлисаве
ть цѣлованіє маріино взыгра
сѧ младенецъ въ чрѣвѣ єѧ. исплъ
нисѧ дх҃а ст҃а єлисаветь. възѡпи
гласомъ веліимъ. и речⷭ҇е бл҃вена
ты въ женахъ. и бл҃венъ плѡ
чрева твоєго, и ѿкоудоу мнѣ се
да пріидеть мт҃и г҃а моєго кѡ мнѣ.
се бо ꙗко бысть гласъ цѣлованіа твоєгѡ
въ оушію моєю. взыграсѧ младене
ць радощамі въ чревѣ моємъ. и
бл҃жена ꙗже вѣрѡвавши. ꙗкѡ боу
деть свершеніє. гл҃анным єи ѿ г҃а.
и рⷱ҇е мр҃іамъ. величить дш҃е моа

*) Въ этомъ почеркѣ ъ и ь рѣдко отличаются между собою.

га҃. и възрадовасѧ дх҃ъ мои ѡ бз҃ѣ
спс҃е моем. ꙗко призрѣ на смиреніе ра
бы своеѧ. се бо ѿ нынѣ блажат мѧ
вси роди. ꙗко створи мнѣ величїе силь
ныи. и ст҃о имѧ его. и пребы҃ же
мріа҃ с нею. ꙗко три мц҃а. и возврати
сѧ въ до҃ свои.

Листъ 3, снимокъ 2. Еванг. отъ Луки I, 26—29.

Въ мц҃ь шестыи посланъ бы҃ архангелъ гаври
лъ ѿ б҃а въ гра҃ галилисе къ, емꙋ
же имѧ назаротъ къ дв҃ѣ обрꙋченѣ
и моужеви. емоу же имѧ іѡсиѳъ
ѿ домоу дв҃два и имѧ дв҃ѣ маріамъ
и вш҃е к неи аггелъ ре҃ роуисѧ ѡбра
дованнаѧ г҃ь с тобою бл҃ве
на ты въ жена҃. ѡна҃ ви...

Листъ 44 об., снимокъ 35. Псал. VII, 12.

Бъ҃ сꙋдитель праведенъ и крѣпокъ и длъгѡ
тръпѣливъ. и не гнѣвъ навѡдѧ на всѧ...

Листъ 63 об., снимокъ 36. Псал. XXXIV, 1—3.

Соуди г҃и ѡбидѧщимъ мѧ възбра
ни бѡрющаа мѧ. пріими ѡроужїе и щи
тъ. и въстани въ помощь мѡю. изсꙋ...

Листъ 86, снимокъ 9. Псал. LX, 6—9.

оутвердиша себѣ слово
лоукавѡ. повѣдаша
съкрыти сѣть. рѣ
ша ктѡ оузрьтъ и
хъ. испыташа
безакѡни
є исчезѡ
ша испыта
ющеи исъ
пытани
ꙗ. пристȣ
нить чл҃къ
и ср҃це глоубо
кѡ. и възъ
несетсꙗ
б҃ъ. стрѣль
младене
цъ быша ꙗ
звы ихъ +
съмоути
шасꙗ въ
си видꙗ...
+ изнемоѿша въ нихъ ꙗзыци ихъ.

Листъ 98, снимокъ 38. Псал. LXXIII, 22.

понωшение твое еже ѿ безоумнагω ве...

Листъ 99 об., снимокъ 39. Псал. LXXV, 11. LXXVI, 4—6.

испωвѣстьсѧ тебѣ. и ωстанωкъ по...

. . . .

. . . .

и възвеселихсѧ. въскωръ
бѣхъ и пренемо
же дх҃ъ мои. прѣ
вариcте стражъ
бы ωчи мои.
съмоутихсѧ
и не гл҃хъ
помыслихъ дн҃и прьвыꙗ. и лѣ...

Листъ 128 об., снимокъ 11. Псал. CVIII, 25—31.

ша мѧ пωкиваша главами свωи
ми пωмоѕи ми гн҃и бж҃е мои. и сп҃си
мѧ по милωсти твоеи. и разоумѣ
ють ꙗкω рѫка твоꙗ си. и ты сътво
рилъ еси ꙗ. прωкленоуть ти, и ть
блѣши. въстаѫщеи на мѧ
пωстыдѧтсѧ. рабъ же
твои възвесе

литсѧ. да ѡблєк ꙋ
тсѧ ѡблыгаю
щеи мѧ сра
мъ. и ѡдєжꙋ
тсѧ. ꙗкѡ ѡдє
жєю стоудом
свѡнмъ. исп
ѡвѣмсѧ гви ѕѣ
лѡ оусть моими.
и пѡсрѣдѣ многъ
въсъхвалю и.
ꙗко ста ѡдєснꙋю оубѡгаго.
спасти ѿ гѡнѧщнхъ дꙋ
шѫ мою.

Листъ 217, снимокъ 52.

Пѡвєлѣнноє таинство. гриимь вразоуми.
во крѡвѣ їѡсифовѣ. скѡрѡ
прѣдста бєсплѡтныи. глагѡ
лꙗ нєискуснѵи браку. прєклѡ
ињ схѡжєниємъ нєбєса. вмѣ
щаэтьсꙗ [1]) нєизмѣннѡ вєсь в тꙗ. єгѡ

---

[1]) Въ этомъ словѣ перевожу оборотнымъ э очень похожее на эту букву начертаніе въ подлинникѣ.

же видѧ в лѡжеснех твоих при
ўмша рабиў ѕракъ ужаса
юсѧ ѕвати ти. радуисѧ [1]) неневѣстнаѧ

Что касается до заглавій и разныхъ приписокъ вязью и неразборчивымъ почеркомъ во второй половинѣ рукописи, то для облегченія въ прочтеніи ихъ предлагаю изъ сказаннаго Описанія Троицкихъ рукописей слѣдующія транскрипціи, которыя составлены хотя безъ наблюденія строгой точности въ передачѣ буквъ, но будутъ небезполезнымъ руководствомъ для тѣхъ, кто пожелаетъ заняться разрѣшеніемъ этихъ каллиграфическихъ загадокъ.

Предварительно замѣчу, что еще въ то отдаленное время, когда я впервые разсматривалъ эту рукопись, кое-гдѣ была уже подписана новѣйшимъ почеркомъ транскрипція при текстахъ, трудно разбираемыхъ, между прочимъ и на лл. 1, 6 и 25 об., снимки 1, 5 и 7. Транскрипцію эту А. В. Горскій приписывалъ монахамъ, трудившимся надъ описаніемъ Троицкихъ рукописей.

Л. 5, снимокъ 4. Въ самомъ низу послѣдняя строка: *милосерде помилуй мя падшаго окаяннаго...* [2])

---

[1]) Здѣсь выноска на полѣ, гдѣ крайне неразборчивымъ почеркомъ написано: невѣсто.

[2]) Точками въ транскрипціи означено неразобранное.

Л. 168, сн. 12. Заглавіе: *почасіе .I. часа. речеть молитву.*

Л. 188, сн. 13. Заглавіе: *въ святую великую суботу вечеръ при часи 10-мъ клеплеть сбравшеся.* Внизу не разобрано, кромѣ слова: *послѣдованіа.*

Л. 189 об., сн. 50. Внизу три строки. Первая вязью: *начало и поновленіе Христе Боже нашъ ты еси, обнови убо и мене окаяннаго, да возмогу угодная тебѣ творити владыко человѣколюбче Господи, понеже убо твой есмьазъ, Спасе спаси мя окаяннаго.* Вторая строка: *пѣснь красна Христу въскресенiа его, радости велики исполньшеся въспоимъ: славно бо прославися.* Послѣдняя строка съ приписками отдѣльныхъ слоговъ внизу: *о Христе мой, дай же ми образъ преже конца (?) покаятися къ тебѣ.*

Л. 190, сн. 14. На полѣ двѣ полосы словъ, набранныхъ въ одной буквѣ. Одна полоса разобрана такъ: *Послѣдованіе въ святую седмицу,* другая не разобрана. Внизу послѣдняя строка: *слава въскресенію твоему Христе Боже, слава царствію твоему Человѣколюбче.*

Л. 204 об., сн. 15. Первая вязь: *Канунъ благовѣщенію пресвятѣй Владычици нашей Богородици и Приснодѣвици Маріи.* Другая вязь: *Ка-*

нонъ нося краегранесеніе азбуковицы [1]) *гласъ 4. ирмосъ: отверзу уста моя,* и проч. Послѣдняя строка внизу: *сіа убо тако събывшуся и тако симъ бывающимъ нашему убо спасеніа пришедшу.*

Л. 207, сн. 16. Вязью: *въ пятокъ пятыя недѣли поста святыя четыредесятница акаѳисто служба пресвятѣй Богородици Приснодѣвы Маріи. вечеръ поемъ по обыч.*

Л. 209, сн. 17. Первая вязь: *канунъ радостенъ пресвятѣй Богородици имѣа краегранесіе.* Другая вязь, подстрочная: *поемъ тя пресвятая и славословимъ рожество твое, умилосердися госпоже и удиви милость на убозѣмъ и окаянномъ, помощнице міру дѣвая въ женахъ Владычице помози госпоже моя.* На полѣ полоса словъ въ одну букву— не разобрана.

Л. 211, сн. 18. Заглавіе вязью: *Кондаки и икосы пресвятѣй пречистѣй преблагословеннѣй Владычици нашей Богородици Приснодѣвѣй Маріи, глаголются откровенною главою чести ради и величества и любве ея къ намъ.* Внизу подстрочная вязь не прочтена.

---

[1]) Какъ здѣсь, такъ кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ письма вязью ставится знакъ препинанія въ видѣ ферта.

Л. 218, сн. 24. Противъ заставки волошскою вязью *понедѣльникъ*.

Л. 223, сн. 19. Заглавіе вязью: *правило молебно ко святѣй Богородици, сице поется: Царю небесный, трисвятое, по Отче нашь Господи помилуй 12, пріидите поклонимся.* На полѣ вертикальною полосою въ одну букву: *вторникъ*.

Л. 232, сн. 25. Противъ заставки: *среда*.

Л. 237 об., сн. 54. Внизу крупною вязью, переполненною мелкими буквами, написанъ въ одну строку цѣлый стихъ: *Да молчитъ всяка плоть человѣча.* и т. д. Подъ вязью: *конецъ убо пріиде канона преподобныхъ великихъ святыхъ.*

Л. 238, сн. 20. Заглавіе вязью: *мѣсяца септевріа на преставленіе Ивана Богослова, на Господи возвахъ стихиры, гласъ 2.* На полѣ вертикальная вязь: *четвертокъ*. Внизу подъ строками: *да переписавъ лучши лѣностію убо премн. азъ Дѣво святая Богородице подъ кровъ твой прибѣгаю вѣдѣ яко обря.*

Л. 245 об., сн. 21. Заглавіе вязью: *стихиры избранныя святымъ произволи.* На полѣ въ одной буквѣ: *пятокъ*. Внизу, при очеркахъ головы, рукъ и ногъ, написано вязью: *на молитву призывающе.*

Л. 253, сн. 22. Заглавіе вязью: *канунъ отцамъ преподобнымъ гласъ 8. пѣснь 1. пѣснь 2.* Внизу: *твореніе Феодора Студита.* На полѣ противъ заставки вязью въ овалѣ буквы *С: субота... вся.*

Обращаюсь наконецъ къ украшеніямъ заставокъ и заглавныхъ буквъ и къ нѣкоторымъ другимъ художественнымъ подробностямъ.

Прежде всего долженъ я сказать, что вся эта художественная сторона рукописи состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самымъ письмомъ текста, и вмѣстѣ съ нимъ принадлежитъ къ одному времени и одной школѣ. Это явствуетъ изъ слѣдующаго анализа подробностей.

1. Заглавныя буквы, какъ раскрашенныя, такъ и киноварныя, въ большей части случаевъ изготовлялись прежде слѣдующаго за ними строчнаго письма. Это до очевидности замѣчается тамъ, гдѣ писецъ подгонялъ строки къ выступамъ и впадинамъ орнаментовъ заглавныхъ буквъ, которымъ подчинялъ такимъ образомъ свое письмо. Смотр. лл. 5, 26 об., 41, 87, 168, 209, 213 об., 217, 223, 238, 245 об. и 253, помѣщенные въ снимкахъ: 4, 8, 34, 37, 12, 17, 51, 52, 19, 20, 21 и 22. Точно также и оба всадника, которыми означены буквы *Я* и *А*, на лл. 207 и 211, въ снимкахъ 16 и 18, нарисованы прежде, чѣмъ были написаны строки

текста, которыми писецъ бережно окружилъ эти фигуры, съ видимымъ вниманіемъ, чтобы не замарать ихъ черными или киноварными буквами.

2. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидно явствуетъ, что заглавная буква, къ которой прилаживался текстъ, была нарисована прежде заглавія, писаннаго надъ текстомъ. Такъ на л. 188, въ снимкѣ 13, подъ заставкою заглавіе состоитъ изъ четырехъ строкъ: первая крупною и толстою вязью, а три слѣдующія греческою скорописью, изъ которыхъ верхнія двѣ выведены въ прямую линію, а нижнюю въ началѣ писецъ долженъ былъ пустить нѣсколько къ верху, чтобы не записать пурпуровыми буквами приподнятой верхушки раскрашенной буквы *В*.

3. Заставки и по рисунку и по краскамъ представляютъ полное согласіе въ стилѣ съ раскрашенными заглавными буквами, и потому должны состоять въ одинаковомъ съ этими послѣдними близкомъ отношеніи къ письму текста.

4. Иногда можно замѣтить, что заставку мастеръ работалъ послѣ того, какъ стоящая подъ нею заглавная буква была уже готова. Такъ на л. 190, въ снимкѣ 14, мастеръ слишкомъ низко помѣстилъ заставку, почему находившаяся уже подъ нею раскрашенная буква *В* такъ столкнулась своею верхушкою съ нижнимъ краемъ за-

ставки, что не оставила мѣста для продолженія пурпуроваго бордюра, которымъ убранъ этотъ нижній край.

5. Иногда на страницахъ съ заставками писецъ пишетъ заглавіе вязью и скорописью, подстрочныя и на поляхъ приписки и даже самый текстъ тѣмъ же самымъ пурпуромъ, который употребленъ въ заглавныхъ буквахъ и въ нѣкоторыхъ изъ орнаментовъ заставки, какъ напр. на лл. 188, 204 об., 238, въ снимкахъ 13, 15, 20. На л. 209, въ снимкѣ 17, пурпуръ въ заставкѣ и раскрашенной буквѣ нѣсколько порыжѣлъ, принявъ нацвѣтъ шоколадный: такою же точно краскою писаны и заглавіе и подстрочная вязь.

6. При одинаковой краскѣ въ письмѣ и украшеніяхъ иногда можно придти къ очень вѣроятному заключенію, что писецъ принималъ участіе и въ рисованьи и раскрашиваньи. Такъ на л. 190, въ снимкѣ 14, упомянутая выше, подъ рубрикою 4-ю, недоконченная кайма, или бордюръ, не только окрашена тѣмъ же пурпуромъ, какимъ писанъ текстъ и одна изъ приписокъ волошскою вязью, но и составлена изъ повторяющейся въ цѣломъ рядѣ буквы ѕ, по начертанію своему во всемъ сходной съ тѣмъ, какъ она пишется въ текстѣ. На л. 245 об., въ снимкѣ 21, очерки рукъ, ногъ и головы и подпись вязью, на

нижнемъ полѣ страницы, писаны одною и тою же краскою и, кажется, однимъ и тѣмъ же перомъ.

7. Нѣкоторые орнаменты, какъ непосредственное продолженіе работы писца, или входятъ въ составъ самого слова, какъ напр. куча ониковъ съ точками, на л. 243 об., въ словѣ *многоочитіи*, или же въ концѣ абзаца вмѣсто точки, креста, черточки или какого другаго заключительнаго знака,—изящная фигура двухвостаго крылатаго дракона съ лапами, писанная киноварью, на л. 201. Смотр. снимки въ самомъ концѣ киноварныхъ буквъ.

8. Не смотря на очевидный натурализмъ украшеній въ первой половинѣ рукописи, въ нихъ господствуетъ одна и та же архитектоническая основа, какъ и въ крупномъ, голенастомъ письмѣ этой половины, какъ напр. на лл. 3 44 об., 63 об., 86 и др., въ снимкахъ 2, 35, 36, 9, а частію и въ томъ мелкомъ письмѣ, въ которомъ писецъ не оставляетъ своей манеры буквъ голенастыхъ, какъ напр. на л. 1, въ снимкѣ 1. Эта основа состоитъ въ тонкой вертикальной линіи, которую перемыкаютъ одна, двѣ или нѣсколько черточекъ. Этотъ одинаковый пріемъ стиля, господствующій и въ письмѣ и украшеніяхъ, свидѣтельствуетъ о солидарности школы писца со школою орнаментиста.

9. Тѣми же порыжѣвшими чернилами, какими писанъ

текстъ, поставлены надстрочные знаки (̂ и ̆) надъ буквой ї, въ ея украшенныхъ заглавныхъ фигурахъ, на лл. 45, 121 об. и 146. Смотри снимки.

10. Въ первой же половинѣ рукописи не разъ случалось, что писецъ долженъ былъ принимать на себя дѣло орнаментиста. Такъ на лл. 1 и 3, въ снимкахъ 1 и 2, тѣми же чернилами, которыми писалъ онъ текстъ, бойко нарисовалъ и заглавныя буквы; на л. 133, въ снимкѣ 42, онъ начертилъ чернилами заставку и открасилъ ее тою зеленою краскою, которою кое-гдѣ покрыта и заглавная буква, тутъ же находящаяся. Рисовальщикъ составлялъ сначала самое нутро заставки изъ листьевъ и такъ оставлялъ свою работу, не обведя ничѣмъ пучки листвы и травы, ни рамкою, ни даже полоскою, какъ на лл. 129 и 149, въ снимкахъ 41 и 43—обстоятельство, о которомъ подробнѣе будетъ сказано потомъ. Но писецъ, имѣя уже такую недоконченную заставку на своемъ листѣ, прежде чѣмъ начать на немъ писать текстъ, выводилъ киноварью заглавіе и тѣмъ же киноварнымъ очеркомъ обводилъ линіи со всѣхъ четырехъ сторонъ заставки, какъ на лл. 101 и 153, смотр. снимки.

Изъ сказаннаго достаточно явствуетъ солидарность между собою писцовъ и рисовальщиковъ опредѣляемой мною рукописи. Въ приведенномъ анализѣ я вовсе не хочу

доказать, чтобы помимо писцовъ не могло быть еще и спеціальныхъ мастеровъ, которымъ въ этой рукописи принадлежатъ лучшія изъ украшеній. Но въ ней такъ много этихъ украшеній въ началѣ многочисленныхъ главъ и въ абзацахъ самого текста, что не иначе можно дать себѣ понятіе о составленіи рукописи, какъ при одновременной и совмѣстной работѣ писца и рисовальщика.

Эту тѣсную связь между письмомъ и украшеніями слѣдовало мнѣ установить для того, чтобы опредѣлить ихъ происхожденіе и характеръ. Если письмо носитъ на себѣ несомнѣнные признаки южно-славянскаго происхожденія, съ болгаризмами въ языкѣ, съ искусственнымъ правописаніемъ и съ погреченнымъ почеркомъ, то и самый стиль украшеній долженъ принадлежать, вмѣстѣ съ письмомъ, одной и той же школѣ. Я не думаю отнимать у русскихъ доли участія въ орнаментаціи этой рукописи, но, на основаніи филологической и палеографической критики, эту долю могу допустить только въ той мѣрѣ, насколько она оказывается въ языкѣ и правописаніи.

Описываемая мною рукопись въ своихъ украшеніяхъ предлагаетъ въ значительной полнотѣ и разнообразіи собраніе художественныхъ мотивовъ, которые даютъ славяно-русскому орнаменту въ XV вѣкѣ особенный, спеціально принадлежащій ему характеръ, рѣшительно и

рѣзко отличающій его отъ украшеній въ русскихъ рукописяхъ XIV вѣка. Для того чтобы яснѣе опредѣлить сказанное отличіе, я признаю нужнымъ предварительно помѣстить здѣсь общее понятіе объ этихъ послѣднихъ украшеніяхъ изъ моей рецензіи, составленной по поводу извѣстной книги французскаго архитектора Віолле-ле-Дюка и критическихъ разсмотрѣній ея въ монографіяхъ гр. С. Г. Строганова и аббата Мартынова [1]).

«Кому случалось перелистывать русскія рукописи XIII столѣтія до начала XV, тотъ конечно не могъ не обратить своего вниманія на замѣчательную выдержанность общаго имъ всѣмъ одинаковаго характера въ стилѣ изукрашенныхъ заглавныхъ буквъ и заставокъ. Это—затѣйливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными фантастическими животными, съ птицами, у которыхъ иногда человѣческія головы, съ звѣрями, хвостъ которыхъ извивается вѣткою, оканчивающеюся листкомъ, особенно съ драконами и зміями, которые изъ своей пасти выпускаютъ вѣтку же, а своимъ хвостомъ перевиваютъ звѣрей и другихъ чудовищъ, наконецъ съ человѣческими фигурами, руки и ноги

---

[1]) *Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго*, въ «Критическомъ Обозрѣніи» 1879 года, № 2.

которыхъ вплетены въ эти перевивы изъ ремней и змѣиныхъ хоботовъ. Существенною характеристикою стиля оказывается здѣсь нарушеніе или искаженіе и разложеніе естественныхъ формъ природы животной и растительной, при самомъ подчиненіи ихъ цѣлой группѣ, связанной извитіями, которыя то насильственно разсѣкаютъ эти формы, то съ ними сливаются такъ незамѣтно, что глазъ не можетъ услѣдить гдѣ оканчивается животное или растеніе и гдѣ начинается ремень, переходящій въ змѣю. Въ этомъ хаосѣ сплетеній всякая естественная форма принимаетъ видъ чудовища, которое однако расчитано не на то, чтобы пугать воображеніе, а на то, чтобы затѣйливостью группы, или точнѣе симплегмы, произвести игривое впечатлѣніе. Стиль этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ романскому на западѣ [1]). XIV вѣкъ—есть цвѣтущая его

---

[1]) Этотъ стиль, съ крайней неточностью называемый романскимъ, господствовалъ съ самыхъ раннихъ среднихъ вѣковъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, видоизмѣняясь въ каждой характеристическими особенностями. Потому и нашъ рукописный орнаментъ XIV, XIII и частію даже XII вѣка, относясь къ общему средневѣковому стилю, существенно отличается своими мѣстными примѣтами отъ ирландскаго, англосаксонскаго, вестготскаго, лонгобардскаго и пр. Не касаясь вопроса о происхожденіи этого стиля, замѣчу, что онъ проявился уже въ полной своей энергіи въ орнаментахъ ирландскихъ рукописей даже VII вѣка. Смотр.: «*Westwood, Fac-similes of the miniatures and ornaments of anglo-saxon and irisch manuscripts*». London. 1868. Таблицы 7—10.

эпоха у насъ, и именно въ орнаментѣ русскихъ рукописей. Въ теченіе цѣлаго столѣтія постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же сюжетовъ привело къ замѣчательно художественной обработкѣ этихъ фантастическихъ группъ, связанныхъ игривыми линіями перевитія. Въ тонкомъ киноварномъ очеркѣ, фигуры эти, обыкновенно—бѣлыя, съ свѣтло-желтыми нѣжными полосками и съ черными кружка́ми, чешуйками или черточками, выступаютъ на синемъ, красномъ или зеленомъ и даже на черномъ фонѣ».

Между изданіями Общества любителей древней письменности хорошіе образчики русскаго орнамента XIV столѣтія предлагаетъ факсимиль Требника, изданный въ 1878 году подъ № XXIV. Достаточно даже бѣглаго взгляда на украшенія этой рукописи, чтобы ясно видѣть и убѣдиться, что орнаментъ XV вѣка въ Троицкой Псалтыри ничего общаго не имѣетъ съ этими украшеніями XIV вѣка и не состоитъ съ ними ни въ какой преемственной связи историческаго развитія.

Хотя обѣ половины описываемаго мною письменнаго памятника одинаково представляютъ рѣшительный контрастъ вышеизложенной характеристикѣ русскаго орнамента XIV вѣка; однако каждая изъ этихъ половинъ имѣетъ свои спеціальныя особенности въ украшеніяхъ, и орнаментисты той и другой идутъ по разнымъ пу-

тямъ, хотя и стремятся къ одной цѣли создать новый стиль, отличный отъ того, который доселѣ господствовалъ. Потому, чтобы составить ясное понятіе объ этихъ украшеніяхъ, точное и раздѣльное въ его элементахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полное въ ихъ взаимной совокупности, надобно разсмотрѣть каждую изъ сказанныхъ половинъ въ отдѣльности съ изложеніемъ по пунктамъ характеристическихъ особенностей.

И такъ, сначала обращаюсь къ первой половинѣ.

1. Украшенія заглавныхъ буквъ и заставокъ сначала нарисованы чернилами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оттѣнены чернильными же штрихами по способу, принятому въ гравюрѣ; затѣмъ гдѣ слѣдовало слегка покрыты акварельною краскою, болѣе или менѣе тщательно, но всегда такъ, что сквозь нее пробиваютъ сказанные штрихи. Это манера новая, чуждая русскому орнаменту до XIV вѣка включительно. Исключеніе въ нашей рукописи составляетъ заставка на золотѣ съ человѣческою фигурою, на л. 41, въ снимкѣ 34. Тамъ орнаменты писаны цвѣтною гвашью и оттѣнены цвѣтными же штрихами и бѣлыми бликами.

2. Замѣченная выше тѣсная связь работы писца съ работою орнаментиста, открываемая въ буквахъ не раскрашенныхъ, на лл. 1 и 3, въ снимкахъ 1 и 2, и въ тон-

кихъ и длинныхъ вертикальныхъ линіяхъ съ перемычками изъ черточекъ, должна дополнять характеристику пріема, указаннаго въ предыдущемъ пунктѣ.

3. Сравнительно со второю половиною рукописи, мастеръ располагалъ небогатымъ запасомъ красокъ, употребляя только зеленую съ вохрой и малиновую съ бурой, которыя всѣ вмѣстѣ на фонѣ выцвѣтшихъ чернилъ даютъ всѣмъ украшеніямъ бѣдный и линючій колоритъ изъ-желта-зеленовато-дикій и бурый, съ переходами въ малиновый. Это составляетъ также существенное отличіе художественнаго стиля нашей рукописи отъ яркаго колорита, вообще усвоеннаго русскимъ орнаментомъ. Исключеніе представляетъ упомянутая въ 1-мъ пунктѣ заставка на золотѣ, въ которой при большей яркости тѣхъ же красокъ прибавлены желтая и синяя, и еще заставка на л. 87, въ снимкѣ 37.

4. Не смотря на свою бѣдность, колоритъ этотъ вмѣстѣ съ штрихами гравировальной манеры, при замѣчательной выдержкѣ во всѣхъ украшеніяхъ, расчитанъ на эффектъ рельефности рисунка и на живописную свѣто-тѣнь. Это еще новая черта, которой доселѣ не допускалъ и вовсе не зналъ русскій орнаментъ.

5. Въ противоположность тератологическому стилю со звѣрями, птицами, зміями и чудовищами, насильственно

сплетенными, здѣсь исключительно господствуютъ формы только растительнаго царства, и при томъ, соотвѣтственно бѣдности колорита, въ самомъ ограниченномъ выборѣ, а именно: длинный листъ съ тонкимъ и завостреннымъ концомъ, по большей части узкій, изъ породы злаковъ, но часто и расширенный отъ стебля до средины; кромѣ того еще листъ, особой формы, широкій, съ стилизованнымъ вырѣзомъ полукружій по большей части на одной изъ его сторонъ, какъ напр. въ буквѣ *В* на л. 101, въ снимкѣ 40; длинные усики или стебельки, въ родѣ тычинокъ съ шишечкой или головкой на каждой; иногда, впрочемъ рѣдко, безъ этихъ шишечекъ, въ видѣ травы, какъ напр. въ заставкѣ на л. 129, въ снимкѣ 41. Въ своихъ этюдахъ мастеръ не пошелъ далѣе листвы и травы, съ которыми хорошо умѣлъ сладить, и остановился передъ цвѣткомъ, воспроизведеніе котораго было выше его силъ и художественныхъ средствъ. Потому, вѣроятно, цвѣтка вовсе не хочетъ онъ знать, и для разнообразія иногда подкрашиваетъ листву, обыкновенно малиновою краскою, и только очень рѣдко, какъ исключеніе допускаетъ колокольчикъ или кувшинчикъ съ тычинками, какъ напр. въ буквѣ *Т*, на л. 87, въ снимкѣ 37; но вообще старается обойтись только листомъ, обыкновенно широкимъ, свертывая его чашечкою, иногда доволь-

но удачно, какъ напр. въ *Б* и *П*, на лл. 69 об. и 77 (смотр. снимки); менѣе удачно въ видѣ корзинокъ, какъ напр. въ заставкѣ на л. 149, въ снимкѣ 43; по большей же части насилуя его форму до безобразія, какъ напр. въ *Д*, *Р*, *Т*, Ѡ, на лл. 89, 78 об., 68 об. и 108 об. (смотр. снимки). Сверхъ того, какъ исключеніе, встрѣчаются листы въ формѣ: сердца, напр. въ буквѣ *Г*, на л. 55,—кружка, напр. въ буквѣ *Ж*, на л. 112 об.,—косы или конскаго хвоста, въ буквѣ *Г*, на л. 114 (смотр. снимки).

6. Существенное отличіе въ стилѣ этихъ украшеній отъ византійскихъ и тератологическихъ составляетъ очевидное стремленіе мастера къ рѣшительному матеріализму въ воспроизведеніи растительной природы, столько же въ рисункѣ, какъ и въ рельефности посредствомъ штриховъ гравировальной манеры. Мастеръ не хочетъ знать ни традиціоннаго византійскаго цвѣтка, ни византійской вѣтки съ завиткомъ, составляющей достояніе русскаго орнамента во всѣ періоды его развитія, и изыскиваетъ новые сюжеты для своего творчества, почерпая ихъ изъ природы. Объёмъ его наблюденій не широкъ и выборъ сюжетовъ очень бѣденъ; глазъ его преимущественно остановился на одной изъ множества разнообразныхъ формъ листвы; за то съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ онъ этотъ

излюбленный имъ листокъ и съ лицевой его стороны, и съ изнанки, и во всѣхъ его изгибахъ и въ легкихъ извитіяхъ его длиннаго завостреннаго конца. Чтобы быть вѣрну природѣ, онъ долженъ былъ отказаться и отъ ювелирныхъ пріемовъ византійской перегородчатой эмали, и отъ каллиграфическихъ очерковъ киноварнаго узорочья русскаго тератологическаго орнамента, и изыскивалъ чисто живописныя средства для передачи своихъ воззрѣній на природу. Отъ того его украшенія не блестятъ ни золотомъ, ни яркимъ колоритомъ, и не бросаются въ глаза роскошью и затѣйливостью убранства. Они расчитаны на удовлетвореніе уже новыхъ требованій эстетическаго вкуса, который въ искусствѣ ищетъ природы и оцѣниваетъ художественное ея воспроизведеніе въ наиболѣе точномъ подражаніи ея формамъ. Въ этихъ же видахъ мастеръ отказываетъ себѣ въ традиціонныхъ пособіяхъ архитектурныхъ формъ рамки, столбика, базиса, капители, арки, и т. п., онъ не выводитъ при помощи этихъ формъ самой фигуры буквъ, а бросаетъ легкую вѣтку съ листомъ и стеблемъ или гирлянду, которая, вырѣзываясь на бѣломъ полѣ бумагѣ, сама за себя должна говорить, означая ту или другую букву алфавита. Что касается до заставокъ, то, какъ увидимъ ниже, онѣ даже сильно пострадали по отсутствію въ нихъ всякаго архитектоническаго строя. Вообще у

ставки, что не оставила мѣста для продолженія пурпуроваго бордюра, которымъ убранъ этотъ нижній край.

5. Иногда на страницахъ съ заставками писецъ пишетъ заглавіе вязью и скорописью, подстрочныя и на поляхъ приписки и даже самый текстъ тѣмъ же самымъ пурпуромъ, который употребленъ въ заглавныхъ буквахъ и въ нѣкоторыхъ изъ орнаментовъ заставки, какъ напр. на лл. 188, 204 об., 238, въ снимкахъ 13, 15, 20. На л. 209, въ снимкѣ 17, пурпуръ въ заставкѣ и раскрашенной буквѣ нѣсколько порыжѣлъ, принявъ пацвѣтъ шоколадный: такою же точно краскою писаны и заглавіе и подстрочная вязь.

6. При одинаковой краскѣ въ письмѣ и украшеніяхъ иногда можно придти къ очень вѣроятному заключенію, что писецъ принималъ участіе и въ рисованьи и раскрашиваньи. Такъ на л. 190, въ снимкѣ 14, упомянутая выше, подъ рубрикою 4-ю, недоконченная кайма, или бордюръ, не только окрашена тѣмъ же пурпуромъ, какимъ писанъ текстъ и одна изъ приписокъ волошскою вязью, но и составлена изъ повторяющейся въ цѣломъ рядѣ буквы ѕ, по начертанію своему во всемъ сходной съ тѣмъ, какъ она пишется въ текстѣ. На л. 245 об., въ снимкѣ 21, очерки рукъ, ногъ и головы и подпись вязью, на

нижнемъ полѣ страницы, писаны одною и тою же краскою и, кажется, однимъ и тѣмъ же перомъ.

7. Нѣкоторые орнаменты, какъ непосредственное продолженіе работы писца, или входятъ въ составъ самого слова, какъ напр. куча ониковъ съ точками, на л. 243 об., въ словѣ *многоочитіи*, или же въ концѣ абзаца вмѣсто точки, креста, черточки или какого другаго заключительнаго знака,—изящная фигура двухвостаго крылатаго дракона съ лапами, писанная киноварью, на л. 201. Смотр. снимки въ самомъ концѣ киноварныхъ буквъ.

8. Не смотря на очевидный натурализмъ украшеній въ первой половинѣ рукописи, въ нихъ господствуетъ одна и та же архитектоническая основа, какъ и въ крупномъ, голенастомъ письмѣ этой половины, какъ напр. на лл. 3 44 об., 63 об., 86 и др., въ снимкахъ 2, 35, 36, 9, а частію и въ томъ мелкомъ письмѣ, въ которомъ писецъ не оставляетъ своей манеры буквъ голенастыхъ, какъ напр. на л. 1, въ снимкѣ 1. Эта основа состоитъ въ тонкой вертикальной линіи, которую перемыкаютъ одна, двѣ или нѣсколько черточекъ. Этотъ одинаковый пріемъ стиля, господствующій и въ письмѣ и украшеніяхъ, свидѣтельствуетъ о солидарности школы писца со школою орнаментиста.

9. Тѣми же порыжѣвшими чернилами, какими писанъ

текстъ, поставлены надстрочные знаки (̑ и ̆) надъ буквой ї, въ ея украшенныхъ заглавныхъ фигурахъ, на лл. 45, 121 об. и 146. Смотри снимки.

10. Въ первой же половинѣ рукописи не разъ случалось, что писецъ долженъ былъ принимать на себя дѣло орнаментиста. Такъ на лл. 1 и 3, въ снимкахъ 1 и 2, тѣми же чернилами, которыми писалъ онъ текстъ, бойко нарисовалъ и заглавныя буквы; на л. 133, въ снимкѣ 42, онъ начертилъ чернилами заставку и открасилъ ее тою зеленою краскою, которою кое-гдѣ покрыта и заглавная буква, тутъ же находящаяся. Рисовальщикъ составлялъ сначала самое нутро заставки изъ листьевъ и такъ оставлялъ свою работу, не обведя ничѣмъ пучки листвы и травы, ни рамкою, ни даже полоскою, какъ на лл. 129 и 149, въ снимкахъ 41 и 43—обстоятельство, о которомъ подробнѣе будетъ сказано потомъ. Но писецъ, имѣя уже такую недоконченную заставку на своемъ листѣ, прежде чѣмъ начать на немъ писать текстъ, выводилъ киноварью заглавіе и тѣмъ же киноварнымъ очеркомъ обводилъ линіи со всѣхъ четырехъ сторонъ заставки, какъ на лл. 101 и 153, смотр. снимки.

Изъ сказаннаго достаточно явствуетъ солидарность между собою писцовъ и рисовальщиковъ опредѣляемой мною рукописи. Въ приведенномъ анализѣ я вовсе не хочу

доказать, чтобы помимо писцовъ не могло быть еще и спеціальныхъ мастеровъ, которымъ въ этой рукописи принадлежатъ лучшія изъ украшеній. Но въ ней такъ много этихъ украшеній въ началѣ многочисленныхъ главъ и въ абзацахъ самого текста, что не иначе можно дать себѣ понятіе о составленіи рукописи, какъ при одновременной и совмѣстной работѣ писца и рисовальщика.

Эту тѣсную связь между письмомъ и украшеніями слѣдовало мнѣ установить для того, чтобы опредѣлить ихъ происхожденіе и характеръ. Если письмо носитъ на себѣ несомнѣнные признаки южно-славянскаго происхожденія, съ болгаризмами въ языкѣ, съ искусственнымъ правописаніемъ и съ погреченнымъ почеркомъ, то и самый стиль украшеній долженъ принадлежать, вмѣстѣ съ письмомъ, одной и той же школѣ. Я не думаю отнимать у русскихъ доли участія въ орнаментаціи этой рукописи, но, на основаніи филологической и палеографической критики, эту долю могу допустить только въ той мѣрѣ, насколько она оказывается въ языкѣ и правописаніи.

Описываемая мною рукопись въ своихъ украшеніяхъ предлагаетъ въ значительной полнотѣ и разнообразіи собраніе художественныхъ мотивовъ, которые даютъ славяно-русскому орнаменту въ XV вѣкѣ особенный, спеціально принадлежащій ему характеръ, рѣшительно и

рѣзко отличающій его отъ украшеній въ русскихъ рукописяхъ XIV вѣка. Для того чтобы яснѣе опредѣлить сказанное отличіе, я признаю нужнымъ предварительно помѣстить здѣсь общее понятіе объ этихъ послѣднихъ украшеніяхъ изъ моей рецензіи, составленной по поводу извѣстной книги французскаго архитектора Віолле-ле-Дюка и критическихъ разсмотрѣній ея въ монографіяхъ гр. С. Г. Строганова и аббата Мартынова [1]).

«Кому случалось перелистывать русскія рукописи XIII столѣтія до начала XV, тотъ конечно не могъ не обратить своего вниманія на замѣчательную выдержанность общаго имъ всѣмъ одинаковаго характера въ стилѣ изукрашенныхъ заглавныхъ буквъ и заставокъ. Это—затѣйливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными фантастическими животными, съ птицами, у которыхъ иногда человѣческія головы, съ звѣрями, хвостъ которыхъ извивается вѣткою, оканчивающеюся листкомъ, особенно съ драконами и зміями, которые изъ своей пасти выпускаютъ вѣтку же, а своимъ хвостомъ перевиваютъ звѣрей и другихъ чудовищъ, наконецъ съ человѣческими фигурами, руки и ноги

---

[1]) *Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго*, въ «Критическомъ Обозрѣніи» 1879 года, № 2.

тые въ формѣ корзинки, или распластанные, разодранные, иногда имѣющіе видъ попорченныхъ подъ прессомъ лепестковъ цвѣтка, когда они раскрашены у него разными красками, какъ на л. 87, въ снимкѣ 37. Болѣе удаченъ подборъ листвы съ травою въ заставкѣ на л. 129, въ снимкѣ 41, но и тутъ примѣшались два листа уродливые. Во-вторыхъ, что касается сочетанія подробностей въ одно цѣлое, то мастеръ, лишенный поддержки алфавита, которымъ онъ до извѣстной степени руководился въ буквахъ заглавныхъ, предоставленъ былъ самому себѣ въ архитектоникѣ заставокъ, и оказался вполнѣ безпомощенъ. Когда онъ принимался за сочиненіе заставки, видимо, не имѣлъ онъ въ своемъ воображеніи ничего опредѣленнаго и цѣльнаго, что должно имѣть свои опредѣленныя границы, очеркнутыя рамкою; потому онъ оставилъ иныя заставки вовсе безъ рамокъ, какъ на лл. 129 и 149, въ снимкахъ 41 и 43; изъ нихъ нѣкоторыя, какъ замѣчено выше, случайно очерчены уже потомъ киноварными линіями, какъ на лл. 101 и 153, въ снимкѣ 40 и съ л. 153. Съ видимымъ расчетомъ на симметрію и единство въ цѣломъ, представляютъ заставки въ рамкахъ на лл. 41 и 87, въ снимкахъ 34 и 37; но въ первой единство зависитъ только отъ помѣщенія человѣческой фигуры посреди набросанныхъ въ безпорядкѣ листовъ,

эпоха у насъ, и именно въ орнаментѣ русскихъ рукописей. Въ теченіе цѣлаго столѣтія постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же сюжетовъ привело къ замѣчательно художественной обработкѣ этихъ фантастическихъ группъ, связанныхъ игривыми линіями перевитія. Въ тонкомъ киноварномъ очеркѣ, фигуры эти, обыкновенно—бѣлыя, съ свѣтло-желтыми нѣжными полосками и съ черными кружка́ми, чешуйками или черточками, выступаютъ на синемъ, красномъ или зеленомъ и даже на черномъ фонѣ».

Между изданіями Общества любителей древней письменности хорошіе образчики русскаго орнамента XIV столѣтія предлагаетъ факсимиль Требника, изданный въ 1878 году подъ № XXIV. Достаточно даже бѣглаго взгляда на украшенія этой рукописи, чтобы ясно видѣть и убѣдиться, что орнаментъ XV вѣка въ Троицкой Псалтыри ничего общаго не имѣетъ съ этими украшеніями XIV вѣка и не состоитъ съ ними ни въ какой преемственной связи историческаго развитія.

Хотя обѣ половины описываемаго мною письменнаго памятника одинаково представляютъ рѣшительный контрастъ вышеизложенной характеристикѣ русскаго орнамента XIV вѣка; однако каждая изъ этихъ половинъ имѣетъ свои специальныя особенности въ украшеніяхъ, и орнаментисты той и другой идутъ по разнымъ пу-

тямъ, хотя и стремятся къ одной цѣли создать новый стиль, отличный отъ того, который доселѣ господствовалъ. Потому, чтобы составить ясное понятіе объ этихъ украшеніяхъ, точное и раздѣльное въ его элементахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полное въ ихъ взаимной совокупности, надобно разсмотрѣть каждую изъ сказанныхъ половинъ въ отдѣльности съ изложеніемъ по пунктамъ характеристическихъ особенностей.

И такъ, сначала обращаюсь къ первой половинѣ.

1. Украшенія заглавныхъ буквъ и заставокъ сначала нарисованы чернилами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оттѣнены чернильными же штрихами по способу, принятому въ гравюрѣ; затѣмъ гдѣ слѣдовало слегка покрыты акварельною краскою, болѣе или менѣе тщательно, но всегда такъ, что сквозь нее пробиваютъ сказанные штрихи. Это манера новая, чуждая русскому орнаменту до XIV вѣка включительно. Исключеніе въ нашей рукописи составляетъ заставка на золотѣ съ человѣческою фигурою, на л. 41, въ снимкѣ 34. Тамъ орнаменты писаны цвѣтною гвашью и оттѣнены цвѣтными же штрихами и бѣлыми бликами.

2. Замѣченная выше тѣсная связь работы писца съ работою орнаментиста, открываемая въ буквахъ не раскрашенныхъ, на лл. 1 и 3, въ снимкахъ 1 и 2, и въ тон-

кихъ и длинныхъ вертикальныхъ линіяхъ съ перемычками изъ черточекъ, должна дополнять характеристику пріема, указаннаго въ предыдущемъ пунктѣ.

3. Сравнительно со второю половиною рукописи, мастеръ располагалъ небогатымъ запасомъ красокъ, употребляя только зеленую съ вохрой и малиновую съ бурой, которыя всѣ вмѣстѣ на фонѣ выцвѣтшихъ чернилъ даютъ всѣмъ украшеніямъ бѣдный и линючій колоритъ изъ-желта-зеленовато-дикій и бурый, съ переходами въ малиновый. Это составляетъ также существенное отличіе художественнаго стиля нашей рукописи отъ яркаго колорита, вообще усвоеннаго русскимъ орнаментомъ. Исключеніе представляетъ упомянутая въ 1-мъ пунктѣ заставка на золотѣ, въ которой при большей яркости тѣхъ же красокъ прибавлены желтая и синяя, и еще заставка на л. 87, въ снимкѣ 37.

4. Не смотря на свою бѣдность, колоритъ этотъ вмѣстѣ съ штрихами гравировальной манеры, при замѣчательной выдержкѣ во всѣхъ украшеніяхъ, расчитанъ на эффектъ рельефности рисунка и на живописную свѣто-тѣнь. Это еще новая черта, которой доселѣ не допускалъ и вовсе не зналъ русскій орнаментъ.

5. Въ противоположность тератологическому стилю со звѣрями, птицами, зміями и чудовищами, насильственно

излюбленный имъ листокъ и съ лицевой его стороны, и съ изнанки, и во всѣхъ его изгибахъ и въ легкихъ извитіяхъ его длиннаго завостреннаго конца. Чтобы быть вѣрну природѣ, онъ долженъ былъ отказаться и отъ ювелирныхъ пріемовъ византійской перегородчатой эмали, и отъ каллиграфическихъ очерковъ киноварнаго узорочья русскаго тератологическаго орнамента, и изыскивалъ чисто живописныя средства для передачи своихъ воззрѣній на природу. Отъ того его украшенія не блестятъ ни золотомъ, ни яркимъ колоритомъ, и не бросаются въ глаза роскошью и затѣйливостью убранства. Они расчитаны на удовлетвореніе уже новыхъ требованій эстетическаго вкуса, который въ искусствѣ ищетъ природы и оцѣниваетъ художественное ея воспроизведеніе въ наиболѣе точномъ подражаніи ея формамъ. Въ этихъ же видахъ мастеръ отказываетъ себѣ въ традиціонныхъ пособіяхъ архитектурныхъ формъ рамки, столбика, базиса, капители, арки, и т. п., онъ не выводитъ при помощи этихъ формъ самой фигуры буквъ, а бросаетъ легкую вѣтку съ листомъ и стеблемъ или гирлянду, которая, вырѣзываясь на бѣломъ полѣ бумагѣ, сама за себя должна говорить, означая ту или другую букву алфавита. Что касается до заставокъ, то, какъ увидимъ ниже, онѣ даже сильно пострадали по отсутствію въ нихъ всякаго архитектоническаго строя. Вообще у

мастера господствуетъ только принципъ живописный, безъ всякаго пособія формъ архитектурныхъ.

7. Этотъ новый творческій духъ натурализма, впервые проявившійся въ славяно-русскомъ рукописномъ орнаментѣ, не могъ въ одинаковой степени удовлетворительно выразиться во всѣхъ своихъ художественныхъ попыткахъ. Мастеръ успѣлъ совладѣть только съ очень немногими формами растительной природы, и потому могъ удержаться въ предѣлахъ натурализма только тогда, когда воспроизводилъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности. Но такъ какъ орнаментъ въ заглавныхъ буквахъ и заставкахъ подчиняется особымъ спеціальнымъ требованіямъ художественной архитетоники въ размѣщеніи и соединеніи подробностей; то чтобы удовлетворить эти требованія мастеръ, при очень ограниченномъ числѣ выработанныхъ имъ натуралистическихъ формъ, долженъ былъ встрѣчать непреоборимыя затрудненія, состоявшія въ томъ, какъ бы разрѣшить всѣ предстоявшія ему задачи въ построеніи изящнаго орнамента только при посредствѣ этого слишкомъ малаго запаса новыхъ формъ, и при томъ никоимъ образомъ не прибѣгая къ старой рутинѣ традиціонныхъ сочетаній орнаментовъ, византійскаго и предшествовавшаго славяно-русскаго. Впрочемъ иногда эти трудности мастеръ блистательно побѣждаетъ, и тогда орнаментъ его

излюбленный имъ листокъ и съ лицевой его стороны, и съ изнанки, и во всѣхъ его изгибахъ и въ легкихъ извитіяхъ его длиннаго завостреннаго конца. Чтобы быть вѣрну природѣ, онъ долженъ былъ отказаться и отъ ювелирныхъ пріемовъ византійской перегородчатой эмали, и отъ каллиграфическихъ очерковъ киноварнаго узорочья русскаго тератологическаго орнамента, и изыскивалъ чисто живописныя средства для передачи своихъ воззрѣній на природу. Отъ того его украшенія не блестятъ ни золотомъ, ни яркимъ колоритомъ, и не бросаются въ глаза роскошью и затѣйливостью убранства. Они расчитаны на удовлетвореніе уже новыхъ требованій эстетическаго вкуса, который въ искусствѣ ищетъ природы и оцѣниваетъ художественное ея воспроизведеніе въ наиболѣе точномъ подражаніи ея формамъ. Въ этихъ же видахъ мастеръ отказываетъ себѣ въ традиціонныхъ пособіяхъ архитектурныхъ формъ рамки, столбика, базиса, капители, арки, и т. п., онъ не выводитъ при помощи этихъ формъ самой фигуры буквъ, а бросаетъ легкую вѣтку съ листомъ и стеблемъ или гирлянду, которая, вырѣзываясь на бѣломъ полѣ бумагѣ, сама за себя должна говорить, означая ту или другую букву алфавита. Что касается до заставокъ, то, какъ увидимъ ниже, онѣ даже сильно пострадали по отсутствію въ нихъ всякаго архитектоническаго строя. Вообще у

мастера господствуетъ только принципъ живописный, безъ всякаго пособія формъ архитектурныхъ.

7. Этотъ новый творческій духъ натурализма, впервые проявившійся въ славяно-русскомъ рукописномъ орнаментѣ, не могъ въ одинаковой степени удовлетворительно выразиться во всѣхъ своихъ художественныхъ попыткахъ. Мастеръ успѣлъ совладѣть только съ очень немногими формами растительной природы, и потому могъ удержаться въ предѣлахъ натурализма только тогда, когда воспроизводилъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности. Но такъ какъ орнаментъ въ заглавныхъ буквахъ и заставкахъ подчиняется особымъ спеціальнымъ требованіямъ художественной архитетоники въ размѣщеніи и соединеніи подробностей; то чтобы удовлетворить эти требованія мастеръ, при очень ограниченномъ числѣ выработанныхъ имъ натуралистическихъ формъ, долженъ былъ встрѣчать непреоборимыя затрудненія, состоявшія въ томъ, какъ бы разрѣшить всѣ предстоявшія ему задачи въ построеніи изящнаго орнамента только при посредствѣ этого слишкомъ малаго запаса новыхъ формъ, и при томъ никоимъ образомъ не прибѣгая къ старой рутинѣ традиціонныхъ сочетаній орнаментовъ, византійскаго и предшествовавшаго славяно-русскаго. Впрочемъ иногда эти трудности мастеръ блистательно побѣждаетъ, и тогда орнаментъ его

поражаетъ замѣчательнымъ изяществомъ; но очень часто художникъ изнемогаетъ въ тщетныхъ усиліяхъ и прибѣгаетъ къ безобразному искаженію тѣхъ же натуралистическихъ формъ, уродуя ихъ настоящую фигуру или же неестественно ихъ сочетавая. Слѣдующее за симъ разсмотрѣніе заглавныхъ буквъ и заставокъ въ отдѣльности —должно выяснить сильныя и слабыя стороны этого новаго въ нашихъ рукописяхъ стиля. Все лучшее оказалось только въ буквахъ; заставки же представляютъ однѣ неудачи новыхъ попытокъ.

8. Уже самая фигура каждой изъ буквъ алфавита давала общій рисунокъ ея орнаменту и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразіе, смотря по разнообразному начертанію каждой. Эту зависимость отъ каллиграфіи до осязательности наглядно обозначилъ орнаментистъ тѣмъ, что усвоилъ себѣ изъ крупнаго почерка рукописи, какъ сказано выше. тонкую линію съ перемычками, которою постоянно и пользуется въ компановкѣ орнаментовъ, за весьма немногими исключеніями. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ съ большею бы безукоризненностью достигъ своей цѣли, если бы былъ не столько смѣлъ въ своихъ замыслахъ, и при бѣдности живописнаго матеріала не покушался бы на разнообразіе варіацій въ украшеніи одной и той же буквы, а ограничился бы самымъ малымъ числомъ рисунковъ для каждой

буквы. Для примѣра укажу на нѣкоторыя изъ особенно изящныхъ буквъ, въ алфавитномъ порядкѣ, какъ онѣ здѣсь изданы въ снимкахъ: *Б* лл. 61 и 104; *В* лл. 41 об., 42 об. и 115 об.; *Г* лл. 42, 42 об., 43 об., 44, 114 и 147; *Ж* л. 112 об; *I* лл. 45, 70, 121 об. и 146 об.; *К* лл. 107 и 139 об.; *Н* лл. 52, 59 об. и 65; *О* лл. 49 и 84; *Ѿ* л. 72 об.; *Р* лл. 64 об. и 135 об.; *С* лл. 56 об. и 91; *Т* л. 136 об., и *Х* лл. 150 об. и 152 об. Сверхъ того въ снимкахъ съ цѣлыхъ страницъ: *Г* лл. 44 об. и 99 об., снимки 35 и 39; *I* л. 98, сн. 38, и *С* л. 63 об., сн. 36. Орнаментъ оказывался неудачнымъ всякій разъ, какъ мастеръ искажалъ принятыя имъ натуральныя формы, или когда онъ растягивалъ и расширялъ листъ, свертывая его чашкою или корзинкою безъ всякой симметріи, какъ напр. въ *Б* л. 69 об., *Д* л. 89; или разрывалъ его, въ видѣ тряпки съ дырою посреди, какъ въ *Р* л. 78 об., *Т* л. 68 об., или когда въ одной и той же буквѣ соединялъ такой рваный листъ съ безформенною корзинкою, и такой орнаментъ, не смотря на натуральную рельефность частей, въ цѣломъ представлялъ невзрачную фантастическую фигуру, какъ въ *В* л. 79 об. Кромѣ того мастеръ не всегда удачно умѣлъ сочетать вмѣстѣ принятыя имъ натуральныя формы, именно листокъ съ пучками травы

поражаетъ замѣчательнымъ изяществомъ; но очень часто художникъ изнемогаетъ въ тщетныхъ усиліяхъ и прибѣгаетъ къ безобразному искаженію тѣхъ же натуралистическихъ формъ, уродуя ихъ настоящую фигуру или же неестественно ихъ сочетавая. Слѣдующее за симъ разсмотрѣніе заглавныхъ буквъ и заставокъ въ отдѣльности —должно выяснить сильныя и слабыя стороны этого новаго въ нашихъ рукописяхъ стиля. Все лучшее оказалось только въ буквахъ; заставки же представляютъ однѣ неудачи новыхъ попытокъ.

8. Уже самая фигура каждой изъ буквъ алфавита давала общій рисунокъ ея орнаменту и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразіе, смотря по разнообразному начертанію каждой. Эту зависимость отъ каллиграфіи до осязательности наглядно обозначилъ орнаментистъ тѣмъ, что усвоилъ себѣ изъ крупнаго почерка рукописи, какъ сказано выше, тонкую линію съ перемычками, которою постоянно и пользуется въ компановкѣ орнаментовъ, за весьма немногими исключеніями. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ съ большею бы безукоризненностью достигъ своей цѣли, если бы былъ не столько смѣлъ въ своихъ замыслахъ, и при̑ бѣдности живописнаго матеріала не покушался бы на разнообразіе варіацій въ украшеніи одной и той же буквы, а ограничился бы самымъ малымъ числомъ рисунковъ для каждой

гаемой имъ цѣли — создать натуралистическій орнаментъ. Этотъ принципъ, воодушевлявшій его творчество, долженъ былъ дать намъ мѣрило для критики его оригинальныхъ созданій. Опытъ такой критики можно было сдѣлать только надъ украшеніями буквъ, а не заставокъ, потому что наиболѣе самостоятельное и обильное разнообразіемъ творчество проявляется въ рукописномъ орнаментѣ преимущественно въ заглавныхъ буквахъ.

9. Теперь обращаемся къ заставкамъ. Если бы мастеръ не обнаружилъ своего высокаго таланта въ заглавныхъ буквахъ, или если бы отъ его работъ остались однѣ только заставки, то, судя по этимъ послѣднимъ, мы должны бы были составить себѣ вовсе не лестное понятіе о его безсильныхъ попыткахъ въ натурализмѣ, приведшихъ къ результатамъ самымъ неудовлетворительнымъ. Всѣ недостатки въ украшеніи заставокъ подводятся къ двумъ пунктамъ: къ подробностямъ, составляющимъ ихъ содержаніе, и къ сочетанію этихъ подробностей въ одно цѣлое. Въ первомъ отношеніи оказывается, что мастеръ, какъ нарочно, наполнялъ свои заставки преимущественно тѣми неудачными, искаженными формами, которыя, какъ замѣчено выше, были причиною безобразія въ орнаментаціи и многихъ буквъ. Чтобы занять большее пространство, онъ предпочелъ широкіе листы, разбухшіе, сверну-

тые въ формѣ корзинки, или распластанные, разодранные, иногда имѣющіе видъ попорченныхъ подъ прессомъ лепестковъ цвѣтка, когда они раскрашены у него разными красками, какъ на л. 87, въ снимкѣ 37. Болѣе удаченъ подборъ листвы съ травою въ заставкѣ на л. 129, въ снимкѣ 41, но и тутъ примѣшались два листа уродливые. Во-вторыхъ, что касается сочетанія подробностей въ одно цѣлое, то мастеръ, лишенный поддержки алфавита, которымъ онъ до извѣстной степени руководился въ буквахъ заглавныхъ, предоставленъ былъ самому себѣ въ архитектоникѣ заставокъ, и оказался вполнѣ безпомощенъ. Когда онъ принимался за сочиненіе заставки, видимо, не имѣлъ онъ въ своемъ воображеніи ничего опредѣленнаго и цѣльнаго, что должно имѣть свои опредѣленныя границы, очеркнутыя рамкою; потому онъ оставилъ иныя заставки вовсе безъ рамокъ, какъ на лл. 129 и 149, въ снимкахъ 41 и 43; изъ нихъ нѣкоторыя, какъ замѣчено выше, случайно очерчены уже потомъ киноварными линіями, какъ на лл. 101 и 153, въ снимкѣ 40 и съ л. 153. Съ видимымъ расчетомъ на симметрію и единство въ цѣломъ, представляютъ заставки въ рамкахъ на лл. 41 и 87, въ снимкахъ 34 и 37; но въ первой единство зависитъ только отъ помѣщенія человѣческой фигуры посреди набросанныхъ въ безпорядкѣ листовъ,

и только во второй заставкѣ мастеръ догадался сгруппировать листву въ букетъ, но выбралъ для нея самые неудачные экземпляры. Обѣ рамки четыреугольныя, массивной работы, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ для картинъ. Одна изъ нихъ по черному фону украшена, согласно принятой въ рукописи орнаментаціи, желтыми пучками травы, другая — по синему фону, будто по мрамору съ бѣлыми жилками, тоже въ стилѣ прочихъ украшеній, убрана внизу бѣлыми вѣточками, сплетенными въ гирлянду; эту синюю рамку окружаетъ другая, черная съ желтыми крапинами и пятнами, на манеръ тоже мрамора. Хотя обѣ онѣ тяжелы и неуклюжи, но существенно отличаются отъ общепринятыхъ въ нашей рукописной орнаментаціи тѣмъ же натурализмомъ, который господствуетъ во всей рукописи.

10. Только дважды сдѣлалъ мастеръ отступленіе отъ усвоеннаго имъ орнамента изъ травъ и допустилъ изображеніе человѣческой фигуры, именно на л. 41, въ снимкѣ 34, въ упомянутой выше заставкѣ и въ соотвѣтствующей ей заглавной буквѣ *Б*. Въ Описаніи Троицкихъ рукописей первая фигура названа Соломономъ, а вторая Давидомъ. Обѣ эти фигуры, какъ и двѣ другія во второй половинѣ рукописи, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, отличаются своимъ иконописнымъ и живо-

писнымъ стилемъ отъ фантастическихъ сплетеній съ обезображенными человѣческими фигурами въ орнаментѣ тератологическомъ. Что касается до особенностей въ типѣ Давида, состоящихъ въ вѣнцѣ на образецъ шишака и въ отсутствіи сіянія, или нимба, то эти особенности его типа встрѣчаются и въ другихъ позднѣйшихъ памятникахъ русской старины [1]). Соломонъ, тоже безъ сіянія, отличается отъ Давида отсутствіемъ бороды и колпакомъ на головѣ. Кромѣ того сверхъ подира на немъ верхнее одѣяніе съ рукавами, которые короче и шире, чѣмъ обыкновенно у насъ въ старину принято.

11. По общему распредѣленію и по подробностямъ, состоящимъ изъ листвы, окружающей человѣческую фигуру, эта заставка принадлежитъ къ одному стилю съ заставкою, которою начинается знаменитая Геннадіевская Библія 1499 г., хранящаяся въ Синодальной библіотекѣ [2]). Но Троицкая—представляетъ только одни разрозненные элементы, даже разбросанные какъ ни попало, съ намѣренными искаженіями формы листовъ, для пестроты рас-

---

[1]) Напр. въ миніатюрахъ, которыми, по древнему обычаю, иконописецъ украсилъ поля старопечатной Псалтыри съ возслѣдованіемъ 1628 г., въ моемъ собраніи.

[2]) Снимокъ смотр. въ моей монографіи, помѣщенной въ *Матеріалахъ для исторіи письменъ*, изд. къ столѣтнему юбилею Моск. Универс. 1855 г., табл. 15.

крашенныхъ разными красками, между которыми на одномъ изъ нихъ, будто на конѣ, сидитъ человѣческая фигура. Напротивъ того заставка Геннадіевской Библіи имѣетъ видъ какъ бы цѣльной картины. «По золотому фону изъ одного корня идутъ четыре вѣтви зеленаго куста: двѣ крайнія широко раскидываются по обѣ стороны съ своими цвѣтами и листвою, а двѣ среднія образуютъ овалъ, въ которомъ на сѣдалищѣ возсѣдаетъ Моисей передъ столомъ и пишетъ книгу. При корнѣ этого куста изображена какая-то красная масса, которая въ видѣ пламени расходится красными же лучами, подернутыми по концамъ серебромъ, будто языки пламени: подробность, можетъ быть намекающая на неопалимую купину» [1]). То, что въ троицкой заставкѣ остановилось только въ смутныхъ, невыясненныхъ зачаткахъ, то при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, но съ меньшею смѣлостью въ попыткахъ къ натурализму, дало болѣе прочные результаты, оправдавшіеся живучестью въ ихъ послѣдующемъ развитіи.

Итакъ, изъ всего сказаннаго явствуетъ, что въ украшеніяхъ первой половины описываемой мной рукописи XV вѣка повѣяло такимъ новымъ духомъ, о которомъ до

[1]) Смотр. далѣе подробности въ той же моей рецензіи, помѣщенной въ «*Критическомъ Обозрѣніи*», о которой упомянуто выше.

писнымъ стилемъ отъ фантастическихъ сплетеній съ обезображенными человѣческими фигурами въ орнаментѣ тератологическомъ. Что касается до особенностей въ типѣ Давида, состоящихъ въ вѣнцѣ на образецъ шишака и въ отсутствіи сіянія, или нимба, то эти особенности его типа встрѣчаются и въ другихъ позднѣйшихъ памятникахъ русской старины [1]). Соломонъ, тоже безъ сіянія, отличается отъ Давида отсутствіемъ бороды и колпакомъ на головѣ. Кромѣ того сверхъ подира на немъ верхнее одѣяніе съ рукавами, которые короче и шире, чѣмъ обыкновенно у насъ въ старину принято.

11. По общему распредѣленію и по подробностямъ, состоящимъ изъ листвы, окружающей человѣческую фигуру, эта заставка принадлежитъ къ одному стилю съ заставкою, которою начинается знаменитая Геннадіевская Библія 1499 г., хранящаяся въ Синодальной библіотекѣ [2]). Но Троицкая—представляетъ только одни разрозненные элементы, даже разбросанные какъ ни попало, съ намѣренными искаженіями формы листовъ, для пестроты рас-

---

[1]) Напр. въ миніатюрахъ, которыми, по древнему обычаю, иконописецъ украсилъ поля старопечатной Псалтыри съ возслѣдованіемъ 1628 г., въ моемъ собраніи.

[2]) Снимокъ смотр. въ моей монографіи, помѣщенной въ *Матеріалахъ для исторіи письменъ*, изд. къ столѣтнему юбилею Моск. Универс. 1855 г., табл. 15.

крашенныхъ разными красками, между которыми на одномъ изъ нихъ, будто на конѣ, сидитъ человѣческая фигура. Напротивъ того заставка Геннадіевской Библіи имѣетъ видъ какъ бы цѣльной картины. «По золотому фону изъ одного корня идутъ четыре вѣтви зеленаго куста: двѣ крайнія широко раскидываются по обѣ стороны съ своими цвѣтами и листвою, а двѣ среднія образуютъ овалъ, въ которомъ на сѣдалищѣ возсѣдаетъ Моисей передъ столомъ и пишетъ книгу. При корнѣ этого куста изображена какая-то красная масса, которая въ видѣ пламени расходится красными же лучами, подернутыми по концамъ серебромъ, будто языки пламени: подробность, можетъ быть намекающая на неопалимую купину» [1]). То, что въ троицкой заставкѣ остановилось только въ смутныхъ, невыясненныхъ зачаткахъ, то при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, но съ меньшею смѣлостью въ попыткахъ къ натурализму, дало болѣе прочные результаты, оправдавшіеся живучестью въ ихъ послѣдующемъ развитіи.

Итакъ, изъ всего сказаннаго явствуетъ, что въ украшеніяхъ первой половины описываемой мной рукописи XV вѣка повѣяло такимъ новымъ духомъ, о которомъ до

---

[1]) Смотр. далѣе подробности въ той же моей рецензіи, помѣщенной въ *«Критическомъ Обозрѣніи»*, о которой упомянуто выше.

тѣхъ поръ въ нашей старинѣ и намека не бывало, да и потомъ не осталось отъ него никакого слѣда. Это было явленіе исключительное, стоящее особнякомъ отъ проторенной дороги общаго теченія. Непосредственно ли изъ натуры черпалъ орнаментистъ свои сюжеты, или, по обычаю нашихъ старинныхъ мастеровъ, онъ перелистывалъ западныя инкунабулы съ такъ называемыми «кунштами», и какой нибудь лицевой гербарій или лѣчебникъ надоумилъ его воспользоваться для рукописнаго орнамента новыми, болѣе натуральными формами растительнаго царства, во всякомъ случаѣ въ его работѣ нельзя не признать самостоятельной личности, которая въ длинномъ рядѣ попытокъ пробуетъ свои силы на новомъ, дотолѣ неизвѣданномъ поприщѣ. Можетъ быть не онъ одинъ въ то время пролагалъ себѣ новую дорогу, и немудрено, что между южно-славянскими рукописями той же эпохи найдутся и другіе столько же необычайные орнаменты, такъ какъ наша старина далеко еще не изслѣдована вполнѣ; но и теперь уже, при наличныхъ нашихъ свѣдѣніяхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ украшеніяхъ первой половины Троицкой рукописи исторія славяно-русскаго искусства заноситъ на свои страницы тотъ громадной важности фактъ, что въ XV вѣкѣ въ средѣ рутинной школы преданія могла уже народиться и съ энергіею проявить себя

свободная личность художника. Но такое явленіе было преждевременно. Новизна, выходящая изъ ряда вонъ, не была признана и не могла увлечь за собою послѣдователей. Для своего времени она развѣ имѣла только тотъ смыслъ, что протестовала противъ господствовавшаго до толѣ орнамента тератологическаго, который за выслугою лѣтъ долженъ былъ быть замѣненъ другимъ, но такимъ, который, не продолжая дальнѣйшаго развитія узорочья украшеній XIV вѣка, все же основывался бы на преданіи, и вмѣсто живописныхъ формъ свободнаго творчества усвоилъ бы себѣ тотъ же принципъ условной стилизаціи. Для этого слѣдовало только очистить раннія византійскія основы орнамента отъ внесенныхъ въ него тератологическихъ сплетеній и произвести въ исторіи орнамента эпоху возрожденія византійскаго стиля, хотя и при нѣкоторыхъ новыхъ художественныхъ пріемахъ. И возрожденіе это тѣмъ легче можно было совершить, что византійскія основы преданія и въ орнаментѣ, какъ и въ иконописи, не прекращали своего бытія, и шли рядомъ съ тератологическими узорочьями, особенно въ письменности южнославянской, состоявшей въ большей связи съ греческою.

Таковъ именно орнаментъ XV вѣка во второй половинѣ Троицкой рукописи. Греко-южно-славянское происхожденіе его опредѣляется, какъ показано, южно-славян-

свимъ правописаніемъ и погреченною школою письма, состоящаго въ связи съ послѣсловіемъ, писаннымъ по гречески.

Въ общихъ очеркахъ и въ главнѣйшихъ подробностяхъ это тотъ же самый орнаментъ, образцами котораго изъ разныхъ рукописей исчерпывается весь XV вѣкъ исторіи русскаго орнамента въ извѣстномъ великолѣпномъ изданіи г. Бутовскаго, на девятнадцати таблицахъ L—LXVIII, къ которымъ по стилю слѣдуетъ отнести еще четыре таблицы, LXXXV—LXXXVIII, съ украшеніями XVI вѣка, вѣроятно первой его половины, такъ какъ двѣ изъ этихъ таблицъ взяты изъ Евангелія 1535 г. Того же стиля смотр. въ Снимкахъ съ рукописей XV и XVI вв., г. Хрущова, въ Памятникахъ Древней Письменности выпускъ III, 1880 г., снимк. 1 и 2. Въ той же рецензіи, изъ которой я привелъ характеристику тератологическаго стиля, такъ опредѣляю я стиль орнаментаціи XV вѣка: «Хотя онъ происхожденія византійскаго и встрѣчается и въ рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ греческихъ, но преимущественно усвоенъ онъ въ заставкахъ южно-славянскихъ и русскихъ рукописей, а также въ славянскихъ старопечатныхъ книгахъ, изданныхъ въ Венеціи, Краковѣ, Угровлахіи и въ южно-славянскихъ типографіяхъ, потому и имѣетъ право называться болѣе

болгаро-сербскимъ, или южно-славянскимъ, нежели византійскимъ. Съ перваго взгляда заставки эти напоминаютъ стиль тератологическій, особенно въ Угровлахійскихъ изданіяхъ: то же сплетеніе, только не змѣиныхъ хвостовъ, а ремней и вѣтокъ; но звѣри, чудовища и человѣческія фигуры отсутствуютъ. Не одушевленныя живыми существами, сплетенія эти можно бы было отнести къ тѣмъ раннимъ византійскимъ заставкамъ, изъ коихъ потомъ развился нашъ стиль тератологическій, мало-по-малу населяя переплеты изображеніями животныхъ и людей, если бы только этотъ болгаро-сербскій орнаментъ не усвоилъ себѣ однообразной господствующей формы вплетающихся другъ въ друга кружковъ, иногда очень туго стянутыхъ узлами, въ одинъ ярусъ или въ два, даже и въ три, и при томъ каждый изъ рядовъ или ярусовъ также другъ съ другомъ сплетаются. Иногда, но рѣже, заставка состоитъ изъ рѣшетокъ, образуемыхъ прямолинейными ремнями, которые однако по краямъ или сгибаются, или же закругляются, переходя въ овалы. Что касается до заглавныхъ буквъ, то, согласно стилю заставокъ, онѣ состоятъ изъ ременныхъ же сплетеній, впрочемъ не всегда».

Въ этой характеристикѣ предложенъ только общій видъ орнаментаціи XV вѣка, въ главныхъ ея очертаніяхъ, которыя, за опущеніемъ живописныхъ подробностей и игры

колорита, не доступныхъ рѣзцу гравера, и могли только въ этомъ общемъ видѣ перейти изъ рукописи въ старопечатную книгу. При согласіи въ главныхъ очертаніяхъ, состоящихъ въ сказанныхъ кругахъ и рѣшеткахъ, рукописный орнаментъ существенно отличается отъ старопечатнаго именно тѣмъ, что наполняетъ и окружаетъ эти геометрическія фигуры разными подробностями, которыя расписаны красками и иногда золотомъ и серебромъ. Потому подробный разборъ заглавныхъ буквъ и заставокъ второй половины Троицкой рукописи долженъ дать болѣе полное понятіе о славяно-русскомъ орнаментѣ XV вѣка. Начну съ буквъ киноварныхъ, а о буквахъ расписныхъ буду говорить въ связи съ заставками, съ которыми онѣ состоятъ въ прямой зависимости, выраженной наглядно уже и тѣмъ, что онѣ писаны преимущественно только въ заглавіяхъ подъ заставкою, и потому число ихъ ограничено, тогда какъ буквы киноварныя встрѣчаются почти на каждой страницѣ рукописи, и иногда по нѣскольку, такъ какъ онѣ ставятся въ красной строкѣ каждаго абзаца.

1. Киноварныя буквы, не смотря на разнообразіе въ подробностяхъ, въ общей фигурѣ соотвѣтствуютъ обыкновенному въ славянскомъ алфавитѣ начертанію, нѣсколько видоизмѣняемому замѣчательно изящнымъ изви-

тіемъ линій и умѣреннымъ употребленіемъ традиціоннаго завитка съ листкомъ и столько же традиціоннаго дракона или змія, ведущаго начало отъ ранняго византійскаго орнамента, и наконецъ не менѣе традиціоннаго же человѣческаго лица, восходящаго къ Остромірову Евангелію и Болгарскимъ рукописямъ XII [1]). Смотр. въ снимкахъ: *А* л. 222, *В* л. 231, *Ж* л. 279, *З* л. 225, *И* л. 108 об. и знакъ препинанія или заключительный на концѣ страницы на л. 201; сверхъ того въ снимкахъ цѣлыхъ страницъ: *В* л. 213 об., въ снимкѣ 51, *А* л. 222 об., въ сн. 53. Фигуры буквъ въ одинъ киноварный тонъ вырѣзываются на полѣ бѣлой бумаги, какъ силуэты, чѣмъ онѣ уже по самому пріему рисованья существенно отличаются отъ сквозныхъ очерковъ тератологическаго орнамента. Не смотря на сплошную манеру раскраски, киноварный змій не только отдѣляется отъ киноварнаго же ствола съ вѣтками, но, какъ виноградная лоза, граціозно вьется вокругъ него, повиснувъ на немъ закинутымъ въ кольцо хвостомъ и спускаясь головою къ нижней вѣткѣ, на которую разѣваетъ свою пасть, между тѣмъ какъ надъ его головою фонтаномъ брыжжетъ киноварная струя изъ одного изъ тонкихъ побѣговъ того же ствола, какъ это изображено

---

[1]) Подробности смотр. въ той же моей рецензіи, имѣющей предметомъ книгу Віолле-ле-Дюка о русскомъ искусствѣ.

въ буквѣ *Б* л. 231 (смотр. снимокъ). Двухвостому змію, изображающему букву *З* л. 225 (смотр. снимокъ), дано человѣческое лицо въ профиль съ роскошнымъ гребнемъ на манеръ каски съ перьями, и все это, въ противоположность сплошной массѣ киноварныхъ хвостовъ, очеркнуто тонкими линіями по бѣлой бумагѣ, въ изящномъ рисункѣ. Не достаетъ только разноцвѣтной эмали съ золотыми перегородками, чтобы въ этихъ киноварныхъ фигурахъ видѣть полное возрожденіе лучшаго византійскаго стиля, дававшаго орнаменту живописное подражаніе природѣ, впрочемъ подчиненное нѣкоторой типической стилизаціи.

2. Господствующую форму з а с т а в о к ъ составляютъ сказанные выше круги и рѣшетки, но есть также заставки въ видѣ полосъ или лентъ, жгутовъ и плетенокъ, и одна на л. 211, въ снимкѣ 18, состоитъ изъ вѣтокъ съ цвѣтами въ перепутанныхъ гирляндахъ по золотому фону, окруженному, какъ картина, рамкою. Чтобы составить себѣ полное и точное понятіе обо всѣхъ этихъ орнаментахъ, я раздѣляю ихъ на три главныя группы, изъ которыхъ къ первой отношу полосы или ленты, жгуты и плетенки, ко второй круги и рѣшетки и къ третьей разноцвѣтныя вѣтки на л. 211, въ снимкѣ 18.

3. Особенно очевидно в о з р о ж д е н і е византійскаго орнамента въ XV вѣкѣ въ орнаментахъ первой группы, какъ

это явствуетъ изъ сличенія заставокъ Троицкой рукописи на лл. 5, 23 об., 245 об. и 241, въ снимкахъ 4, 6, 21 и 25, съ заставками византійскими X—XII вѣковъ, напр. въ упомянутомъ изданіи Бутовскаго въ таблицахъ VII, IX и XVIII. Возрожденіе это въ слявянорусскомъ орнаментѣ воспослѣдовало не путемъ возвращенія непосредственно къ тѣмъ раннимъ оригиналамъ византійскаго стиля, а при посредствѣ позднѣйшихъ греческихъ рукописей, которыя по преданію удерживали тотъ же ранній стиль, не только въ XIV и XV вѣкахъ, но даже и въ XVI, какъ это можно видѣть напр. въ Палеографическихъ Снимкахъ Архіепископа Саввы, табл. 14—17[1]). Въ этой группѣ обращаю вниманіе на заставку Троицкой рукописи на л. 239, въ снимкѣ 25, выведенную лентою изъ сплошныхъ плетенокъ или жгутовъ, съ тремя рядами бѣленькихъ кружковъ, которымъ въ середнемъ ряду данъ видъ жемчужинъ: при этомъ подражаніе природѣ оказалось не только въ дырочкахъ, которыми жемчужины прикрѣплены къ лентѣ, но и въ живописномъ пріемѣ дать рельефность каждой жемчужинѣ, оттѣнивши ихъ всѣ снизу зеленоватымъ отраженіемъ фона, на которомъ онѣ выступаютъ.

---

[1]) *Палеографическіе снимки въ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки*. Москва, 1863.

4. Во второй группѣ орнаментъ изъ круговъ или также сплетенныхъ оваловъ и изъ рѣшетокъ принадлежитъ къ тому разряду украшеній рукописей XV вѣка, который отличается сплошнымъ фономъ, переполненнымъ разными подробностями, а не сквознымъ рисункомъ, оставляющимъ подъ собою бѣлыя полосы и пятна писчей бумаги или ровный одноцвѣтный фонъ какой нибудь краски. Сверхъ того группа эта подраздѣляется на два отдѣла: къ одному принадлежатъ орнаменты геометрическіе, именно въ заставкахъ на лл. 6, 26 об., 207, 223, 200, 218, 250, 258, 270 об. и 266, въ снимкахъ 5, 8, 16, 19, 24, 26 и 27; къ другому—орнаменты съ подробностями живописными, въ заставкахъ на лл. 168, 188, 190, 204 об., 209, 238, 253, 181, 196, 232 и 247, въ снимкахъ 12, 13, 14, 15, 17, 20, 22, 23, 24 и 25. Этотъ послѣдній отдѣлъ особенно отличается сплошною массою подробностей, по которой располагается общій рисунокъ орнамента, и по своей оригинальности и изяществу составляетъ существенное дополненіе къ образцамъ XV вѣка, изданнымъ у г. Бутовскаго. Эту живописность при богатствѣ сплошныхъ фоновъ, можетъ быть, надобно приписать къ дальнѣйшимъ успѣхамъ искусства въ развитіи славяно-русскаго орнамента въ XV

вѣкѣ, какъ переходъ уже къ новому стилю, принятому въ рукописяхъ XVI вѣка [1]).

5. Потому заставка изъ разряда живописныхъ въ Троицкой рукописи имѣетъ уже видъ не фантастическаго герба или загадочнаго іероглифа тератологическаго, а воспроизведенія дѣйствительной ткани, ковра или рогожки, иногда ситца или набивки мелкаго разноцвѣтнаго рисунка; напр. на лл. 168, 181, 188, 190, 204 об., 209, 238, 247, 273, въ снимкахъ 12, 23, 13, 14, 15, 17, 20, 25 и 27. Иногда эти лоскуты ковра или цвѣтной рогожки оторачиваются въ видѣ оборки изъ языковъ, какъ на л. 188, въ снимкѣ 13, на тотъ же манеръ, какъ оторочены поручи обѣихъ рукъ на лл. 281 об. и 282, въ сним-

---

[1]) Въ предупрежденіе недоразумѣній, нахожу не лишнимъ замѣтить, что нѣкоторые остатки тератологическихъ формъ, какъ залежи старины, могли кое-гдѣ застрять въ русскомъ орнаментѣ не только XV вѣка, но и XVI, но уже въ позднѣйшей обстановкѣ стиля, принадлежащаго этимъ вѣкамъ. Такъ напр. въ Евангеліи XV вѣка, въ С.-Петерб. Публичной библіотекѣ, №13, не только въ заставкѣ, но даже и въ киноварныхъ буквахъ, смотр. у Бутовскаго, табл. LII и LV; въ Евангеліи 1544 года Боголюбова монастыря, смотр. снимки въ 1-мъ томѣ *Древностей* Московск. Археологич. Общества, 1865 г., табл. IV и V, со снимками буквъ; въ моемъ юсовомъ лицевомъ Апокалипсисѣ XVI вѣка, помѣты главъ въ раскрашенныхъ снимкахъ въ изготовляемомъ мною изданіи о *Славяно-русскихъ лицевыхъ Апокалипсисахъ*, смотр. 8-ю копію красками.

кахъ 57 и 58. Въ иныхъ мѣстахъ можно догадываться будто мастеръ съ намѣреніемъ даетъ знать, что онъ воспроизводитъ свою узорчатую ткань, какъ камку или парчу, на одноцвѣтной канвѣ, какъ въ заставкѣ на л. 190, въ снимкѣ 14, которую онъ съ лѣвой стороны оторочилъ рядомъ мелкихъ петель пурпуровой нити, а съ правой пустилъ такой же рядъ ея оборванныхъ кончиковъ, съ нижняго же края заставки эти кончики онъ нѣсколько протянулъ, въ видѣ бахрамы, которую подпизалъ фигурками буквы s съ двумя черточками между каждой; что же касается до верхняго края, то онъ оторочилъ его оборкою изъ тѣхъ же языковъ. И такъ, во всѣхъ своихъ живописныхъ пріемахъ нашъ орнаментъ XV вѣка возвращается къ художественному стилю византійскому, который въ заставкахъ и заглавныхъ буквахъ воспроизводилъ геометрическія сочетанія мозаичныхъ половъ и стѣнъ и перегородчатую эмаль ювелирныхъ издѣлій.

6. Въ противоположность тератологическому стилю, разноцвѣтная орнаментація второй половины Троицкой рукописи, такъ же, какъ и первой половины, пользуется сюжетами только изъ царства растительнаго, за исключеніемъ двухъ буквъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Господствующимъ элементомъ принятъ цвѣтокъ,

въ родѣ колокольчика, и какъ въ первой половинѣ рукописи мастеръ живописуетъ свой листъ и съ лица и съ изнанки, натурально перегибая его и оттѣняя изгибы, такъ и здѣсь цвѣтокъ, обыкновенно синій, писанъ не только съ наружной его стороны, но и съ внутренней, краснымъ или зеленымъ цвѣтомъ, насколько природа цвѣтка позволяетъ заглянуть внутрь его въ томъ положеніи, какъ онъ срисованъ. Иногда колокольчикъ красный, тогда его нутро—синее, встрѣчается и зеленый съ желтою подкладкою. Эти цвѣты наполняютъ заставку въ нѣсколько рядовъ, обыкновенно съ отверстіемъ колокольчика, обращеннымъ вверхъ, и только однажды внизъ; смотр. лл. 190, 204 об., 209 и 253, въ снимкахъ 14, 15, 17 и 22; въ заставкѣ на л. 168, въ снимкѣ 12, колокольчики замѣнены рядами трилистника; сверхъ того на лл. 209 и 253, въ снимкахъ 17 и 22, встрѣчаются между колокольчиками и чашки съ шишками, о которыхъ подробнѣе скажу сейчасъ. Особенно граціозно рисуется сказанный колокольчикъ на бѣломъ фонѣ бумаги, когда онъ, какъ подвѣска серги, свѣшивается внизъ на своемъ стебелькѣ, выходящемъ изъ загибающейся внизъ лиственной чашки, какъ напр. вверху съ лѣваго угла заставки на л. 204 об., въ снимкѣ 15. Кромѣ того допущены вѣтки и листы, а также и та

характеристическая шишка, поднимающаяся изъ лиственной чашки, которая потомъ принята была и въ орнаментацiи нашихъ старопечатныхъ книгъ [1]). Въ Троицкой рукописи она введена, какъ показано, и внутрь заставки, а также помѣщается и снаружи, наряду съ другими формами, каковы цвѣтокъ, листъ, завитокъ и вѣтка,—и именно въ выступахъ по краямъ заставки, ведущихъ свое начало отъ орнаментацiи византiйской. Въ своемъ развитiи эта фигура шишки представляетъ въ нашей рукописи слѣдующiя видоизмѣненiя. Во первыхъ, она является въ стилизованной формѣ, геометрическiя очертанiя которой удаляютъ ее отъ натуры, какъ на лл. 6, 26 об., 200, 223, 239, 247, 250 и 273, въ снимкахъ 5, 8, 24, 19, 25, 26 и 27; во вторыхъ, согласно общепринятому стилю, уже въ натуральномъ видѣ чашки изъ листвы съ выходящею изнутри шишкою, которая покрыта или штрихами, или рѣшеткою, какъ на лл. 188, 196 и 232, въ снимкахъ 13, 24 и 25; и наконецъ, вмѣсто болѣе или менѣе стилизованной шишки, изъ такой же лиственной чашки выходитъ пирамидкою кучка ягодъ, можетъ быть слабое подобiе вино-

[1]) Смотр. о происхожденiи и развитiи этой подробности, а также и стоящей съ ней въ связи виноградной кисти, въ той же моей рецензiи, по поводу книги Вiолле ле-Дюка.

градной кисти, напоминающее очень сходный съ этимъ рисунокъ въ раскрашенномъ орнаментѣ Гуттенберговой Библіи по Майнцкому изданію 1455 года [1]). Такая именно фигура помѣщена въ Троицкой рукописи на л. 211, въ снимкѣ 18, въ одномъ изъ семи выступовъ заставки, идущемъ отъ середины лѣвой рамки; что же касается до прочихъ шести выступовъ, то они предлагаютъ рядъ варіацій той же вышесказанной шишки.

7. Я разсмотрѣлъ двѣ группы орнаментовъ въ заставкахъ; остается третья. Хотя въ нашей рукописи къ ней относится только одинъ экземпляръ, но онъ имѣетъ право на цѣлую отдѣльную рубрику, какъ по особенностямъ, отличающимъ его отъ прочихъ группъ, такъ и потому, что подобный же орнаментъ не рѣдко встрѣчается въ другихъ рукописяхъ не только XV вѣка, но XVI. Сверхъ того отличительный характеръ его стиля замѣчается, какъ увидимъ сейчасъ, и въ разноцвѣтныхъ буквахъ этой второй половины рукописи. И такъ представительницею третьей группы оказывается та самая за-

---

[1]) Снимокъ см. въ изданіи: Noel Humphreys, *A History of the art of printing*. London, 1867, въ таблицѣ 14. Виноградныя лозы съ гроздіемъ въ довольно натуральномъ подражаніи стали распространяться въ готическомъ стилѣ въ XIII вѣкѣ. См. *Album de Villard de Honnecourt, architecte du XIII siècle*, par Alfred Darcel. Paris, 1858, снимокъ съ стариннаго оригинала на табл. LVI.

ставка съ семью выступами, на л. 211, въ снимкѣ 18, на которую только что было указано. Въ переплетенныхъ гирляндахъ изъ вѣтокъ, стеблей и цвѣтовъ, составляющихъ орнаментъ заставки по золотому полю, заслуживаетъ вниманія самая форма этой листвы и способъ сочетанія отдѣльныхъ ея частей въ цѣлыя гирлянды. Не смотря на разнообразіе въ развѣтвленіи и въ стебляхъ или побѣгахъ съ завитками, каждый изъ отдѣльныхъ членовъ этого лиственнаго орнамента, отличаемый отъ другаго, съ нимъ соединяемаго, своимъ собственнымъ колоритомъ, имѣетъ въ общихъ очеркахъ форму трубы или рога, а иногда и колокольчика, состоящую въ постепенномъ расширеніи тонкаго стебля въ широкій раструбъ, какъ отверстіе трубы, обыкновенно отрѣзанное вровень, но иногда принимающее форму колокольчика съ овальною выкройкою лепестковъ. Это какъ бы рогъ изобилія, принаровленный къ стилю рукописнаго орнамента. Такимъ образомъ гирлянда состоитъ изъ отдѣльныхъ колѣньевъ, изъ которыхъ каждое отличается своимъ цвѣтомъ; а соединены они между собою такъ, что одно колѣно своимъ тонкимъ концомъ выходитъ изъ раструба другаго колѣна, и потомъ, расширяясь въ раструбъ, въ свою очередь служитъ вмѣстилищемъ для тонкаго конца еще новаго колѣна. Этотъ же самый стиль въ за-

ставкѣ XVI вѣка можно видѣть у Бутовскаго въ таблицѣ XCV; смотр. снимокъ внизу таблицы въ правомъ углу, а рядомъ и букву съ тѣми же колѣньями, выходящими изъ раструбовъ.

8. Разноцвѣтныя буквы съ золотою оправою вполнѣ соотвѣтствуютъ и по стилю и по роскоши рисунка и колорита вышеописаннымъ заставкамъ. Мнѣ остается только указать въ буквахъ на тѣ же главнѣйшія примѣты, которыя уже были замѣчены мною въ заставкахъ, и именно въ тѣхъ, которыя я назвалъ живописными въ отличіе состоящихъ изъ круговъ и рѣшетокъ, и прибавить къ этому еще нѣкоторыя сличенія. Сначала замѣчу, что въ этихъ буквахъ принята та же манера, что и въ заставкахъ, производить впечатлѣніе обилія и роскоши густымъ набором подробностей для сплошнаго орнамента, какъ это можно видѣть въ снимкѣ 23 въ буквахъ: *Б* 196, *В* 178, *Е* 176 об. и *С* 170. Изъ подробностей обращаю вниманіе на слѣдующія. Во первыхъ колокольчикъ, обыкновенно обращенный отверстіемъ внизъ, напр. въ *А* л. 5, сн. 4, въ *В* л. 190, сн. 14; иногда соединяются вмѣстѣ два колокольчика, одинъ отверстіемъ вверхъ, другой внизъ, на соединеніи подпоясанные перевязью: въ *Д* л. 204 об., въ *А* л. 172, сн. 23, въ *В* л. 199, сн. 23. Во вторыхъ, колѣнья съ раструбами, складывающіяся другъ съ дру-

гомъ по способу, объясненному выше; напр. въ *В* л. 26 об., сн. 8, въ *К* л. 209, сн. 17, въ *Б* л. 196, сн. 23, въ *С* л. 170, сн. 23; иногда изъ раструба, какъ изъ рога изобилія, выходитъ роскошная вѣтвь, какъ въ *Б* л. 168, сн. 12; еще роскошнѣе изображенъ, въ *В* л. 188, сн. 13, рогъ изобилія, выходящій своимъ тонкимъ концомъ изъ колокольчика и выпускающій изъ своего раструба другой колокольчикъ, изъ котораго въ свою очередь выходитъ стебель съ листвою и цвѣткомъ. Въ третьихъ, замѣченные выше языки, изъ которыхъ, въ видѣ оборки, выведены бордюры заставки, можно видѣть, напр., въ *С* л. 170, сн. 23; еще лучше можно видѣть, какъ въ другихъ рукописяхъ бордюръ изъ языковъ окружаетъ очеркъ буквы; напр. въ Снимкахъ съ рукописей XV и XVI в. буква *П* [1]), или у Бутовскаго на таблицѣ XCV изъ рукописи XVI, тоже *П*. Въ четвертыхъ, разсмотрѣнная выше въ заставкахъ та форма шишки, которая отличается рѣшеточкою, замѣчается въ украшеніи посреди колонки буквы *К* л. 209, сн. 17, и посреди же особенно роскошно убранной спинки той же буквы *С*, на которую только что было указано, л. 170, сн. 23. Есть еще одна подробность, очень замѣтная въ украшеніи буквъ, но ускользающая

[1]) Смотр. ту же статью Хрущова въ «*Памятникахъ древней письменности*» 1880 года, выпускъ III.

отъ вниманія въ заставкахъ между болѣе рѣзкими, бросающимися въ глаза формами. Это полоска, составленная изъ трилистника, такъ что одинъ листокъ налагается на другой, оставляя только его крайній изъ трехъ оваловъ вырѣзъ, а чтобы одинъ листокъ рѣзко отдѣлялся отъ другаго, они отличены своею краскою и очеркнуты золотомъ. Въ заставкѣ на л. 190, въ снимкѣ 14, такими полосками обведены всѣ четыре стороны; въ буквахъ же смотр. на столбикѣ буквы *В* л. 5, сн. 4; оба столбика буквы *П* сдѣланы изъ двухъ такихъ полосокъ, л. 6, сн. 5; въ буквѣ *А* л. 23 об., сн. 6, такъ же украшенъ прямо стоящій столбикъ, тогда какъ откосъ сдѣланъ изъ такъ называемаго рога изобилія; еще буква Ѡ л. 171, сн. 23. Наконецъ встрѣчается и дюжинная форма традиціоннаго орнамента изъ переплетенныхъ ремней и вѣтокъ съ побѣгами и завитками, принятая у насъ въ XV вѣкѣ; такова напр. буква *К* л. 223, сн. 19.

9. Родственную связь разноцвѣтныхъ буквъ съ киноварными выдаютъ въ очень замѣтной очевидности слѣдующіе два случая. Во первыхъ, на л. 204 об., въ снимкѣ 15, подъ расписною изъ цвѣтныхъ колокольчиковъ буквою *Д* начертана еще заглавная буква, тоже *Д*, тѣмъ же пурпуромъ, которымъ тутъ же писаны вязь и скоропись. По общему очертанію пурпуровая буква близко подходитъ

къ разноцвѣтной, только нижній колокольчикъ замаскированъ снизу клиньями, а верхній, безъ вѣтки, болѣе похожъ на чашку, которой прямое подобіе находимъ въ другой разноцвѣтной буквѣ, именно въ *А* на л. 172, въ снимкѣ 23; что же касается до двухъ вѣтокъ въ нижней части пурпуровой буквы, то онѣ, соотвѣтствуя въ общемъ рисункѣ обѣимъ вѣткамъ расписнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ подробностяхъ напоминаютъ подобныя же нижнія вѣтки буквъ киноварныхъ, напр. въ буквѣ *В* съ указанными выше зміемъ и фонтанчикомъ, на л. 231 (смотр. снимки киноварн. буквъ). Во вторыхъ буква *В* на л. 178, въ снимкѣ 23, на половину писана красками и киноварью: одинъ колокольчикъ со стеблемъ — темнозеленый съ желтыми полосами и штрихами, а другой, раккурсъ, въ видѣ перемычки—киноварный, и вся нижняя часть есть не что иное, какъ фрагментъ одной изъ киноварныхъ буквъ, съ которымъ сходные экземпляры смотр. въ снимкахъ. Такъ какъ, на основаніи выше приведенныхъ наблюденій, киноварныя и пурпурныя буквы и украшенія должны принадлежать той же рукѣ, которая писала и самый текстъ; то указанная тѣсная съ ними связь буквъ разноцвѣтныхъ, во всемъ согласныхъ съ заставками, дѣлаетъ очень вѣроятною догадку, что и всѣ эти превосходныя украшенія составлены не только въ одно время съ напи-

санiемъ рукописи, но и принадлежатъ къ художественнымъ досугамъ самого писца.

10. Мнѣ остается сказать о двухъ заглавныхъ буквахъ *Я* и *А*, изображенныхъ въ видѣ всадниковъ на лл. 207 и 211, въ снимкахъ 16 и 18. Здѣсь орнаментистъ переходитъ уже въ живописца, и настолько искуснаго, что имѣетъ право занять видное мѣсто въ исторiи нашей иконописи, какъ по своему изящному мастерству, такъ и по нововведенiямъ, которыми онъ нарушаетъ принципы нашего иконописнаго преданiя. Въ Описанiи Троицкихъ рукописей оба всадника названы просто воинами. Но между ними та существенная разница, строго соблюдаемая въ нашей старинной иконописи, что первый всадникъ безъ сiянiя, а второй — въ красномъ сiянiи вокругъ головы: такъ что въ этомъ послѣднемъ надобно видѣть или олицетворенiе изъ разряда тѣхъ аллегорическихъ фигуръ, которыя въ древнихъ памятникахъ византiйскаго искусства были отличаемы сiянiемъ, или же скорѣе ангела, и тѣмъ болѣе потому, что эта фигура означаетъ букву *А*, которою начинается слово *Ангелъ*, и какъ бы живописно означаетъ собою это понятiе; а такъ какъ словомъ *Ангелъ* въ текстѣ поименованъ *Архангелъ* Гаврiилъ, то въ этомъ крылатомъ воинѣ можно видѣть и типъ архангела.

Во вторыхъ, воинъ просто протягиваетъ свою лѣвую руку съ раскрытой ладонью, тогда какъ крылатый всадникъ простираетъ благословляющую десницу, какъ лицо, уполномоченное на то священнымъ саномъ. Впрочемъ описатель или описатели Троицкихъ рукописей имѣли полное право удержаться отъ сказаннаго предположенія, на томъ основаніи, что въ этой фигурѣ все, начиная отъ костюма и до аттрибутовъ, противорѣчитъ не только принятому типу архангела, но и вообще преданіямъ нашей иконописи. Вопервыхъ этотъ Пегасъ съ крыльями; потомъ на древкѣ, оканчивающемся золотымъ крестомъ, бунчукъ изъ конскаго хвоста, такой же, какъ и у другаго воина [1]); далѣе—крылья всадника и по формѣ и по колориту отступаютъ отъ усвоенныхъ въ нашей иконописи ангеламъ; наконецъ обоимъ всадникамъ дана такая принадлежность костюма, которая, будучи чужда нашей старинѣ, относится къ обычаямъ западнымъ: это именно перья на шапкахъ. И само собою разумѣется, что такой формы шапка съ перьями была бы особенно неумѣстна на головѣ архангела. Тѣмъ не менѣе

[1]) Въ нашей старой иконописи принята на стягахъ или знаменахъ челка, а не бунчукъ. Смотр. между миніатюрами, украшающими «*Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ*», по изд. Срезневскаго, на иждивеніе Археографической Коммисіи, С.-Петерб., 1860, стр. 58.

эту фигуру мастеръ относилъ къ святочтимымъ лицамъ, снабдивъ ее священными аттрибутами—золотымъ четвероконечнымъ крестомъ на древкѣ знамени, сіяніемъ вокругъ головы и благословляющею десницею, и если онъ хотѣлъ написать ангела или архангела, то въ своихъ артистическихъ замыслахъ слишкомъ смѣло нарушилъ иконописное преданіе чуждыми ему нововведеніями. Не буду распространяться объ изяществѣ обѣихъ этихъ миніатюръ, замѣняющихъ буквы, ни о натуральности и живости въ движеніяхъ и поворотахъ фигуръ, ни о другихъ качествахъ рисунка и колорита. Замѣчу только одну живописную подробность, съ которой вообще не умѣли ладить наши старинные мастера, но которая исполнена здѣсь съ видимымъ вниманіемъ и съ значительнымъ успѣхомъ: это именно болѣе правильное, подходящее къ натурѣ воспроизведеніе кисти руки, въ ея различныхъ видахъ, когда она распростирается ладонью, сжимается въ кулакъ или когда протягиваются и сгибаются пальцы. Какъ кажется, по возможности правильное изображеніе оконечностей рукъ и ногъ, въ ихъ различныхъ положеніяхъ и въ раккурсахъ, какъ задача вѣка, занимало украсителя нашей рукописи. Это видно на л. 245 об., въ снимкѣ 21, изъ набросанныхъ на нижнемъ полѣ страницы этюдовъ отдѣльныхъ рукъ и

ногъ, съ намѣреніемъ придать имъ разныя положенія и раккурсы, даже до того, что одна ступня нарисована со стороны подошвы. Выше уже замѣчено, что рисунки эти, писанные пурпуромъ, вмѣстѣ съ находящеюся подлѣ нихъ вязью того же цвѣта, должны принадлежать одной и той же рукѣ. Къ сказанному слѣдуетъ присовокупить, что и другія рукописи XV вѣка въ своихъ орнаментахъ допускаютъ довольно правильное начертаніе благословляющей десницы, наприм. въ одной изъ буквъ на табл. LX въ изданіи Бутовскаго. Эта подробность относится къ сюжетамъ, которые, за паденіемъ стиля тератологическаго, были вызваны у насъ возрожденіемъ византійскаго орнамента, который уже въ VIII столѣтіи предлагаетъ намъ въ заглавной буквѣ *E* благословляющую десницу [1]). Такимъ образомъ въ исторіи нашего художества съ византійскимъ возрожденіемъ совпадаютъ попытки къ натурализму.

Сравнивая между собою живописные пріемы въ украшеніяхъ той и другой половины Троицкой рукописи, подробно мною разобранные, мы замѣчаемъ въ обѣихъ тотъ же художественный стиль значительно развитаго

---

[1]) См. мою монографію въ «*Матеріалахъ для исторіи письменъ*», изданныхъ къ столѣтн. юбилею Московск. Университета, Москва, 1855, табл. 2.

искусства въ наблюденіи рельефности и нѣкоторой перспективы раккурсовъ, при видимой наклонности мастеровъ къ воспроизведенію натуральныхъ формъ природы, какъ въ рисункахъ, такъ и въ колоритѣ, съ переливами тоновъ изъ одного въ другой, съ свѣтотѣнью и штрихами. Только мастеръ первой половины, располагавшій бѣднымъ колоритомъ, всѣ свои силы устремлялъ къ подражанію природѣ въ рисункѣ и тѣняхъ, со всею наивностью первыхъ попытокъ смѣлаго новатора, тогда какъ мастеръ второй половины, твердо коренясь на почвѣ многовѣковаго преданія византійскаго, при новыхъ художественныхъ средствахъ своего времени ставилъ себѣ задачею возрожденіе древняго изящества византійскаго орнамента во всемъ блескѣ его колорита и съ натуральностью въ той только мѣрѣ, въ какой орнаментъ допускалъ натуру въ свои искусственныя стилизованныя формы. Потому подъ каждымъ украшеніемъ нашего мастера XV вѣка, какъ бы оно ни казалось оригинальнымъ, можно усмотрѣть стилизованную подкладку, выработанную въ теченіи многихъ столѣтій на почвѣ византійской; напр. вышеупомянутые языки, принаровленные къ бордюру въ видѣ оборокъ, ведутъ свое начало отъ полосъ какой-то листвы съ вырѣзами въ орнаментѣ византійскомъ уже VIII кѣка, равно какъ и

